

WARHAMMER
40,000

СЕМЬ КЛЯТВ
СВЯТОЙ ДЕВЫ

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

Алексей Елисеев

**Warhammer 40,000. Семь
Клятв Святой Девы**

«Автор»

2026

Елисеев А.

Warhammer 40,000. Семь Клятв Святой Девы / А. Елисеев —
«Автор», 2026

В сорок первом тысячелетии мира нет. Что есть? Есть только война. Война, вера, страх, мужество, храбрость и долг. И цена долга у каждого своя. На планете Восс-Прайм для Матвея Крома война это не слава или подвиги, а запах дезраствора, крови, гари крематориев и мертвечины. Потому что он санитар при крепости-монастыре Святой Вероники, носит живых и мёртвых с северного фронта и давно знает простую правду Империи, что тело имеет значение только тогда, когда его правильно оформили. Но однажды один из его мертвецов начинает говорить через обесточенный горловой имплант. Если последний бастион в войне против орков заражен, то возносить молитвы Богу Императору уже поздно. Срочно нужен карантин.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	5
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	12
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	19
ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ	29
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	39
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	48
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Елисеев

Warhammer 40,000. Семь Клятв Святой Девы

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сегментум Обскурус. Сектор Эремор. Субсектор Кадмейский. Планета Восс-Прайм, северный материк, крепость-монастырь Святой Вероники Алой Купели.998.M41, шестой день траурной декады после прорыва на внешнем рубеже.

Я поймал каталку плечом, когда правое колесо соскочило с бронзовой полосы водостока, и мёртвый надзиратель пенитентной команды в саване медленно покатился к мешкам с репкой.

Саван держали три ремня. Четвёртый потеряли ещё на перевалочном посту у Пепельного моста — писарь решил, что мёртвому ремень уже ни к чему, а живому санитару лишняя работа полезна для смирения. Бог-Император любит смирение. Начальство любит его ещё сильнее, потому что смиренный человек молчит, когда тянет чужую ошибку на своём горбу. Сапог скользнул по мокрому скалобетону. Я вдавил каблук в стык плит, схватил край каталки и рванул обратно. За спиной кто-то ругнулся. На соседних носилках раненый захрипел и попросил воды. У мешков кладовщик завопил так, будто я уже залил мешки с семенным фондом трупной жижей.

— Кром, держи! — пискнул Тимон. Он ухватился за саван.

— За раму, сквигова задница, — зашипел я. — За раму держи. Саван оторвёшь, будешь потом сам святому начальству объяснять, почему герой Империи мордой в семенном фонде репы лежит.

Тимон переставил руки на стальные трубы каталки. Руки у него были длинные, худые, ещё мальчишеские, с острыми костяшками. Санитарный халат болтался на нём, как палатка, которую сносило штормом. Четырнадцать лет — возраст дурацкий. Уже хочешь быть мужиком, а тело пока не решило, выдавать тебе плечи или подождать до следующей поставки.

— М-семнадцать кормовая, — сказал Тимон, кивая на мешки. — Из неё же можно масек гнать?

— Из репки-то? Из всего можно масек гнать, если руки не из задницы...

— Матвей, а масек он вкусный?

Я пожал плечом.

— После первой стопки кажется, как будто орк нассал в дезраствор, а потом это благовостили марсианские техножрецы.

Тимон скривился.

— Тогда зачем его пьют?

— Потому что дешёвый. Вот и пьют.

— Брикс говорил, что после третьей кружки на вкус уже всё равно.

— После третьей кружки у Брикса только пердёж громче обчного становится. Меньше его слушай.

— Почему, Матвей?

— Потому что ему под сорок, а он водит дружбу с четырнадцатилетними подмастерьями.

— Это что, так плохо?

— Само по себе... Нет. Но как-то настораживает. Между ушей у Брикса твоего пусто и без всякого масека, а уж когда примет на грудь пару стаканов...

— Что?

— В этой пустоте у него начинают заводиться мысли всякие. Не водись с ним, Тимон. Видел, чтобы в нашей казарме старшие специалисты водились с подмастерьями?

— Нет, не видел...

— То-то же. Со сверстниками дружбу води. Так оно всяко понятнее и безопасней.

Он меня слушал, но не слышал. Конечно, не слышал.

— Говорят, к гадкому вкусу быстро привыкаешь, и главное — высокий градус.

— Ко всему можно привыкнуть, подмастерье. К смене в восемнадцать часов, к мёртвым на каталках, к соседу, который храпит, как больной сквиг, а когда портит воздух, то сквозняком двери распаивает. Но, если у тебя есть выбор — привыкать к дряни или нет, лучше не привыкай.

Я помолчал и поинтересовался:

— А кто говорит-то? Твой новый дружок Брикс?

— Ага... А ещё он говорит, что однажды пил масек из почерневших семян репки.

— Балабол твой новый друг Брикс. Если семена репки чернеют, из них даже масек гнать уже нельзя. Если не хочешь чтобы у тебя из груди рука выросла, или появился глаз на заднице. Запомни, пригодится, когда вырастешь и начнёшь делать глупости уже не под мою ответственность.

— Мне вообще-то четырнадцать лет. Я уже...

— Ты уже держишь раму не той рукой. Прекращай гланды проветривать и давай работать.

Он переставил ладони, запоздало покраснел и сильнее упёрся ногами в скалобетон. Нормальный подмастерье. Сначала делает не то, потом обижается, потом всё-таки делает правильно. Молодые должны учиться на своих ошибках, без лишней помощи старших. Всё равно они слушают и не слышат.

Я выровнял каталку и проверил ремни. Надзиратель лежал спокойно. Сломанная челюсть бугром выпирала под серой тканью, на груди угадывались ремни пенитентного снаряжения, правая рука была обожжена почти до чёрных костяшек. При жизни он поднимал штрафников в атаку на орков, а после смерти стал обычным неудобным грузом на каталке.

Перед нами поднималась внешняя приёмная площадка крепости-монастыря. Три яруса роккритовых стен уходили вверх в серый морозный туман. На верхних галереях чернели бойницы. Над центральной аркой висела бронзовая аквила с крыльями шире грузового шаттла. Ближайший сервочереп спустился к моей каталке и уткнулся линзой в бирку надзирателя. В человеческий череп ввинтили окуляр, молитвенную пластину и пучок проводов, потом подвесили под арку следить за бирками, пломбами и живыми, которые пока ещё могли ошибаться. Даже после смерти человека можно было поставить на службу, если техножрецу хватало винтов, провода и терпения.

Вокс-динамики под аркой захрипели общим приказом:

— Верные служители Восс-Прайма, шестой день траурной декады продолжается. Рабочие смены нижних ярусов куполов обязаны явиться на выдачу пайки после подтверждения свинцовых пломб. Санитарным бригадам внешнего приёма приготовиться к передаче павших с Горловины. Слава Богу-Императору. Слава Святой Веронике Алой Купели.

После приказа певчие сервиторы вывели литанию. Металлические глотки пропели строку о святой крови, чистой жертве и стенах, которые стоят, пока люди готовы за них умирать. Звук ударил в свод арки и вернулся густыми низами. Под хорошую литанию и работать веселей — особенно когда день и ночь уже перепутались, а тело хочет лечь рядом с трупами героев и получить собственный номер.

Я толкнул каталку от мешков, но переднее колесо тут же упёрлось в край других носилок. На носилках лежал сквиг — коротконогая туша размером с крупного пса, обтянутая толстой серой шкурой с обломанными клыками и вздувшимся брюхом, в боку зияли две внушительные

дыры, оставленные попаданиями из лазвинтовки, а горло и голова были обуглены до неузнаваемости из огнёмёта.

Кто-то прикрепил к нему молитвенную табличку, как полагалось делать для людей, но та съехала к самому уху и жалко болталась на проволоке. От сквига тянуло грибной тухлятиной, палёной щетиной и едкой гарью. Я пнул носилки носком сапога, чтобы освободить заклинившее колесо, и махнул рукой младшему санитару, стоявшему у соседнего ряда.

— Эту радость в крематорный флигель, да побыстрее, — сказал я, — иними проволоку, пока писарь не успел внести сквига в списки героев Империиума.

Младший санитар коротко хохотнул, но, заметив рядом настоящего мёртвого гвардейца, тут же подавился смехом. Тимон, всё это время молчавший, уставился на сквига.

— Они далеко?

— Кто? — не сразу понял я, чего он спрашивает.

— Орки...

Я выровнял каталку, открутил флягу и дал раненому на соседних носилках один-единственный глоток — больше было нельзя, потому что он хватал воду ртом, как рыба воздух, и мог просто захлебнуться. Когда я убрал флягу, его пальцы слабо царапнули мой рукав и тут же бессильно разжались.

— Достаточно близко, чтобы наши печи не остывали, — спокойно ответил я, — и достаточно далеко, чтобы начальство продолжало называть нашу крепость тыловой.

Тимон снова посмотрел на сквига.

— Он с северной линии?

— С третьего редута. Вчера ночью орки пролезли по старому водостоку у шахт Кальдеры и загнали туда сквигов; пенитентов сожрали раньше, чем те успели искупить хоть что-нибудь. Потом наши перекрыли ход огнёмётами, а обоз собрал то, что осталось. Вот поэтому у тебя сегодня не учебная смена, а нормальная. Радуйся, подмастерье: выучишься быстрее и будешь заступать на смены сам, без нудного наставника.

Он пожал плечами под чужим халатом, который откровенно на нём болтался.

— В учебке нам говорили, что кремация павших — это честь.

— А мне в учебке говорили, что смена длится двенадцать часов, и Империиум будет мне за неё благодарен. Повзрослей уже, Тимон, и привыкай к сокращённым версиям правды.

— А у нас сколько?

— Что «сколько»? Смена? Восемнадцать, если печь не встанет, обоз не перевернётся и леди-регент не вспомнит вдруг про траурную красоту. А потом четыре часа сна.

— Всего четыре?

— Если сосед не храпит, не блюёт масеком в общий умывальник и не молится во сне так громко, будто Императору без него станет скучно.

Тимон хмыкнул, но тут же прикрыл рот рукой, потому что раненый на носилках снова закашлялся. Это было хорошо: значит, он ещё понимал, где заканчивается шутка и начинается человек, которому больно.

От крематорного флигеля потянуло гарью, золой и горячим дезраствором. Служители открыли боковой приёмник для заражённых останков, и запах хлынул к нам через распахнутый сервисный люк у правой стены. Там сервитор с закопчёнными манипуляторами принимал лотки, считыватель ритмично мигал красным, а техножрец в буром капюшоне выводил над печью короткую молитву Механикус. Он молился машине, мы же молились, чтобы машина не встала.

— Печи ведь только для людей? — спросил Тимон.

Я развернул каталку так, чтобы обойти носилки со сквигом.

— Печи для всего, что нельзя оставлять в земле. Для людей, орочьего мяса, сквиговой падали, грязных бинтов, заражённого грунта и плохих идей начальства, если бы Бог-Император

был к нам чуть добрее. Орка плохо сожжёшь — через сезон из земли полезет зелёная дрянь, и всё начнётся сначала. Споры их как грибы прорастают. Человека плохо оформишь — начнутся вопросы. Печи решают все задачи круглосуточно.

— А у нас в крепости почему не прорастают? — спросил Тимон, и я заподозрил, что ему просто хотелось потрепаться.

— Холодно у нас...

Вокс-динамик под аквиллой снова закашлял, и служитель объявил, что увольнения санитарных смен в нижние ярусы куполов переносятся до полного закрытия приёмки павших. Тимон поднял голову.

— Увольнения отменили? — и снова спросил, на этот раз грустно.

— Тебе туда зачем?

— Просто спросил...

— «Просто» он спросил, — повторил я и толкнул каталку дальше. — Взрослые санитары перед редкими увольнениями ведут себя хуже сервиторов после сбоя. Один скоблит сапоги, другой меняет рубаху, третий нюхает подмышки и врёт, что запах ещё терпим. Брикс однажды вообще натёр лицо дезраствором, потому что перепутал флакон с одеколоном, и всё равно ушёл довольный.

Тимон покосился на меня.

— А зачем они так делают?

— Чтобы в нижних ярусах куполов их не приняли за заразные останки.

Он задумался.

— И помогает?

— Иногда. Если девушка добрая, свет плохой и у неё тоже была тяжёлая смена.

Тимон покраснел, но взгляд не отвёл. — Ты тогда смотрел на них с таким видом, будто перед тобой открыли тайную книгу взрослой жизни, — сказал я. — Я тебе затрепину выписал и велел мыть кружки. Знаешь, почему?

— Почему? — насупился Тимон.

— Для профилактики. Чтобы ты знал, что тайная книга взрослой жизни написана кровью, потом, масеком и обычно подозрительно воняет чужими нестиранными носками.

— Я просто смотрел...

— Вот с этого всё дурное и начинается. Труд лучше всего избавляет от грешных мыслей.

Кладовщик у мешков с семенами снова сунулся ко мне. Это был плотный, плечистый мужик с туповатым выражением лица. На правой щеке у него белел старый ожог от обморожения, руки бугрились мозолями, а на поясе висела связка тяжёлых свинцовых пломб.

— Санитар, оттащи своих покойников от семенного фонда! — крикнул он. — Если кровь под брезент попадёт, я тебе эти мешки в госпиталь занесу. Вместе с докладом твоему начальству.

— Угу, — кивнул я. — Сейчас всё сделаю. Чего разошёлся-то?

Я упёрся в рукоять каталки и начал отводить её от мешков. Тимон помог, а затем нахмурился.

— Почему он тобой командует?

— Потому что, если семена репки промокнут или на них попадут споры, нижние ярусы куполов будут питаться одними литаниями, — ответил я. — А от них кишки крепче не станут. Так что меньше слов и помогай, чтобы твой новый друг не остался без масека.

Тимон взялся за боковую раму. Кладовщик сам подхватил край брезента и завернул его выше, чтобы вода из водостока не попала под нижний ряд мешков. Дело он крепко знал. К начальству относился без лишней нежности, зато мешки берёт, как собственные кишки, и я это уважал.

Репка линии М-семнадцать шла в нижние ярусы куполов. Там её варили, сушили, мешали с белковой кашей и скармливали рабочим сменам, а если кладовщик отворачивался достаточно надолго, из неё тайком гнали масек.

После трёх суток в обозе мешки пахли влажной землёй и дешёвым консервантом. Рядом с группной химией этот запах почти примирял меня с жизнью.

У ворот писарь крепостной приёмки поднял голову от журнала.

— Центральная арка открыта только для мёртвых, — объявил он. — Почётные павшие проходят первыми. Госпитальный шлюз после споровой тревоги на обеззараживании. Раненые ждут подтверждения медикае-службы. Агри-груз держать у складской полосы до сверки свинцовых пломб.

Я посмотрел на носилки справа. Молодой гвардеец с развороченным боком держался за ремень так, будто тот был единственным поручнем над бездонной пропастью. Кожа на лице посерела, губы пошли синевой, а дыхание, цепляясь за каждый вдох, срывалось на мокрый свист. Ему нужно было попасть внутрь сейчас — до почётных павших, до складской пломбы и до того момента, когда писарь вспомнит, что живой человек ещё не является приложением к собственной посмертной ведомости.

— Этому надо срочно в госпиталь, — сказал я и кивнул на носилки.

Писарь заглянул в журнал.

— Госпитальный шлюз закрыт до окончания обеззараживания.

— Он к тому времени умрёт. Давай в обход его свезём?

Писарь провёл металлическим ногтем по строке, нашёл нужную колонку и даже не нахмурился.

— Этому придётся подождать.

Тимон рядом тихонько выругался. Это были хорошие слова, полезные для души, но совершенно бесполезные при общении с чиновниками. Я шагнул к носилкам, проверил повязку, прижал ладонь к краю раны и понял, что писарь уже выиграл. Гвардеец смотрел мимо меня на аквилу над воротами. Его глаза ещё видели, тело официально всё ещё было живо, но душа уже уходила к Богу-Императору. Пальцы на ремне разжались, дыхание стало тише, затем сделало короткую попытку вернуться и оборвалось.

Тимон наклонился слишком резко.

— Кром...

— Бирку давай.

— Может, ещё...

— Дай мне бирку, демоны варпа тебя деря.

Он достал из бокового кармана чистую мёртвую бирку, и я заменил живую отметку на посмертную. Рука у Тимона дрожала так, что он дважды не попал штифтом в отверстие. Я забрал у него бирку, защёлкнул её сам и медленно провёл большим пальцем по холодному металлу. Тело можно было не спасти и можно было потерять. Но его нельзя было назвать не тем словом, пока я держал его бирку. Я закрыл гвардейцу глаза, подтянул ремень на носилках и коротким жестом указал Тимону на следующий ряд.

Медикае-служба в этот раз получила на одного срочного больного меньше, а внутренняя приёмка — ещё одного павшего, и теперь писарю оставалось лишь вписать время, чтобы в ведомости всё выглядело аккуратно.

— Дальше, — приказал я, когда он сглотнул и попытался что-то сказать о том, что того, возможно, ещё можно было спасти. — Шевели костями. Пока ты раздумываешь над одним, следующий как раз перейдёт в удобную для транспортировки категорию.

Бог-Император простит мне эту сухость, если у Него найдётся свободная минута между тысячей войн и сотнями миллиардов таких же носилок. В Его расписание я не заглядывал — мне вполне хватало своего.

Следующим в очереди лежал мёртвый надзиратель — тот самый, которого я недавно удержал от падения на мешки с семенным фондом. В ведомости он значился как «пенитентный надзорный служитель, погибший при сопровождении штрафной группы»; формулировка была на редкость удачной, ибо она полностью скрывала и оторванную руку, и сломанную челюсть, и едкий запах палёной кожи, и те страшные ожоги, что угадывались под саваном.

Откинув край ткани у груди, я проверил ременную систему и заметил на левом боку, под обугленным плащом, грудной дозатор с красной предупреждающей меткой. Корпус оплавился, но запорный штифт уцелел, а это означало, что ни один здравомыслящий санитар не отправил бы такую вещь в крематор вместе с телом, где она могла бы лопнуть, отравить всю смену или, что ещё проще, исчезнуть в чьём-то кармане, чтобы какой-нибудь умелец решил, будто Император благословил его крепким сердцем и необычайно быстрыми ногами.

Я нажал на фиксатор, провернул штифт ножом и извлёк дозатор. Под треснувшим стеклом одну целую ампулу с надписью «ПЕНТАКОСТ-9». Буквы были мелкими, чёрными и сугубо служебными, безо всяких торжественных вензелей, поскольку обычный технический шрифт гарантировал, что боевой стим не перепутают по ошибке со слабительным.

Пентакост-9 не был предназначен для лечения, так как он просто разгонял сердце и подавлял боль, срывая мышечные ограничения, чтобы позволить штрафнику превратиться в супервоина. На несколько минут, но с гарантией и уже после той черты, за которой нормальный человек неизбежно ложится и помирает. Такая вот специальная химия, превращающая агонию в героический акт.

Тимон, увидев маркировку, отступил на полшага и тревожно взглянул на меня.

— Это надо сдать... — пробормотал он.

— Не суетись, — я даже не посмотрел в его сторону. — Сейчас не до того, да и вообще, я сдам её только под расписку, так что пока просто работаем.

Я достал из внутреннего кармана малую ведомость опасных изъятий и записал номер ампулы, номер тела, время и своё имя, хотя писать оказалось крайне неудобно, но я всё равно вывел строку до конца, поскольку любая опасная вещь, лишённая записи, быстро превращается в чужую возможность, а такие возможности обычно бьют по санитару.

— Ты её у себя оставишь? — спросил Тимон.

— Только пока не донесу до старшего медикатора.

— Это нарушение.

— Нет. Это называется «учёт», подмастерье. Сейчас нас ждут ещё живые и уже мёртвые герои Империи.

Я вложил ампулу в малый защитный пенал, зафиксировал его механическим зажимом и убрал под внутренний клапан санитарной сумки — туда, где лежали чистые бирки, запасные иглы и моя личная молитвенная пластинка с вытертым ликом Императора.

Пластинку я носил не ради красоты. Просто, когда руки по локоть в крови, полезно помнить, что кто-то однажды приказал этому миру хотя бы делать вид, будто он держится на каком-то смысле.

— Эти трое идут в зал подготовки павших, — сказал писарь. — Омовение, новый саван, проверка имплантов и почётная каталка к саркофагу. Этот, этот и этот.

Я посмотрел на выбранных. Два офицера крепостной стражи и один связист с уцелевшим горловым имплантом. Головы целы. Черепные коробки не пробиты. Горло связиста не разворотило. Импланты не выжжены и не разбиты.

Теперь я понял, почему писарь ткнул именно в них. Церемониймейстеру нужны были тела, которые не стыдно положить под новый саван. Медикае-службе — целые импланты, которые ещё можно снять и пустить в дело. Писарю — аккуратная строка в ведомости: павший выбран для почётного саркофажного обряда. Каждая служба получала своё, и все трое мертвецов слишком хорошо подходили сразу всем. Вот поэтому я поставил на бирки санитарные

отметки сопровождения: номер смены, короткую метку осмотра и маленький крючок у нижнего края.

Писари такие метки не любили. С ними тело нельзя было тихо увести без старшего медикатора. Тимон заметил это.

— Ты зачем это делаешь? — спросил он.

— Чтобы без меня их не провели дальше.

— Почему?

Я затанул ремень на каталке и вытер пальцы о тряпку.

— Потому что связист с целым горлом, два офицера с целыми головами и рабочие импланты слишком удобны для почётного маршрута.

— Удобны для чего?

— Вот это и узнаем, если они не исчезнут раньше, чем мы с тобой.

Он ничего не ответил. Может, не понял. Может, понял и пожалел. Над воротами раздался удар медного церемониального колокола, и этот звук, в отличие от резкого и тревожного боя боевого набата, который гнал людей на стены, прозвучал ниже, гуще и как-то слишком уж аккуратно. Он не призывал нас идти на убой, а скорее требовал выпрямиться, принять благочестивый вид и, что самое важное, не мешать начальству проходить по своим делам.

Следом за колоколом певчие-сервиторы внутри крепости сменили литанию, из-за чего ритм стал торжественнее, а слова, поднятые на более высокую ноту, долетели до нас вместе с порывом ветра, принеся обрывки строк о святой крови, чистой жертве и вечном заступничестве. Охранники синхронно выпрямились, а писарь вдруг прикрыл журнал ладонью, хотя минуту назад он совершенно не заботился о том, чтобы защитить бумагу от мокрого снега.

Кладовщик, стоявший у мешков с семенным фондом, внезапно замолчал и поспешно подтянул живот, стараясь казаться стройнее. Из внутреннего прохода вышел церемониймейстер в тяжёлом чёрном плаще. Окинул приёмную плиту внутреннего атриума холодным взглядом и мгновенно обнаружил всё, что мог посчитать изъяном в общей красоте момента.

— Освободить центральную полосу, — распорядился он, даже не глядя на нас, — складской груз переместить к правой стене, санитарные каталки сдвинуть левее, а почётный проход подготовить к встрече леди-регента.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Я заметил, как кладовщик сжал кулаки, и перевёл взгляд с мешков на мертвецов, задержавшись на носилках с гвардейцем, которому госпитальный шлюз был уже совершенно не нужен. И в этот момент осознал, что смена стала ощутимо хуже именно тогда, когда вокруг начали наводить эту стерильную, выхолощенную красоту.

В проходе под аквиллой мелькнула белая перчатка из атласного шёлка на чёрном траурном рукаве, и следом за ней в арку вошла леди-регент Аврелия де ля Восс. Два стража в чёрных кирасах шли перед ней, грубо отесняя носилки к стене, пока церемониймейстер вышагивал впереди, а сервочерепы приподнимались выше, чтобы не висеть у неё над плечом. Аврелия ступила на приёмную плиту с таким спокойствием, будто кровь на скалобетоне, едкий запах трупной химии и доносившиеся из госпитального шлюза крики были не грязью, а всего лишь плохо подготовленной частью торжественной церемонии.

Под траурной вуалью я разглядел волосы цвета спелой пшеницы. Чёрные глаза леди-регента смотрели на мир внимательно и бесстрастно. Её платье с декольте почти до пупка подчёркивало грудь и талию с такой безупречной строгостью, что я моментально вспомнил, как давно не видел ничего, кроме мертвецов, окровавленных бинтов и чужих носков.

Тимон поднял голову и застыл, отчего рама каталки в его руках дрогнула, и надзиратель, укрытый саваном, медленно съехал на палец к самому краю.

— Какая она... — едва слышно прошептал Тимон, продолжая смотреть на неё. — Какая она...

Я перехватил край каталки, вернул мёртвого в устойчивое положение и отвесил Тимону звонкий подзатыльник, потому как, если этот худой балбес сейчас уронит покойника прямо под ноги регентской свите, нас обоих отправят чистить отвал флигеля крематоров до конца декады.

— На саван смотри, балбес, — прошипел я ему на ухо, — красота начальства не повод ронять покойника с каталки.

Тимон клацнул зубами, покраснел до самых ушей и снова мёртвой хваткой вцепился в раму. Я посмотрел на белую перчатку Аврелии, понимая, что в нашем деле такая чистота среди крови почти всегда означает одно, а именно то, что сейчас грязную работу заставят выглядеть священной.

Я заметил, как рука Аврелии де ля Восс в белой атласной перчатке замерла над ведомостью, и тут же писарь у ворот перестал казаться обычным бюрократом с журналом — он вдруг стал частью чего-то большего, почти священного. Он вытянулся в струнку, прижал стилус к груди и склонился так низко, что серебряная цепочка на шее звонко ударилась о край металлической подставки.

Аврелия даже не взглянула в его сторону. Её внимание было где-то дальше, за пределами этого двора, заполненного носилками и каталками.

Двое стражей в чёрных кирасах шагнули вперёд и аккуратно, но непреклонно отеснили носилки с ранеными к левой стене. Один взялся за раму, второй переставил заднюю ножку — и человек с перевязанным бедром тихо застонал, когда носилки дёрнулись на стыке плит. Служитель из свиты леди-регента тут же положил ему на грудь молитвенную табличку, словно эта безмолвная реликвия могла заменить нормальную перевязку и бережную переноску.

Я перехватил переднюю ручку носилок.

— Ровнее, — бросил я стражу. — Он ещё живой.

Страж посмотрел на меня сквозь визор шлема. Его лицо было скуластым, скучным и каким-то казённым, будто отлитым по единому шаблону. Спорить с ним не имело смысла — пока не вмешается тот, кому он подчиняется.

— Мне приказано освободить дорогу, — ответил страж.

— Даже если тебе придётся добивать наших раненых? — осторожно уточнил я, стараясь не выдать раздражения.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Аврелия лишь слегка повернула голову. Этого оказалось достаточно: страж тут же поправил носилки, убрал заднюю ножку с трещины между плитами и отступил на полшага. Так и работает настоящая власть — без криков, без угроз, одним только взглядом.

Тимон рядом шумно выдохнул.

— Она ему даже ничего не сказала, — шёпотом произнёс он.

— Вот именно, — кивнул я.

— И он всё сразу понял.

— Страшные люди редко повторяют два раза, — добавил я, наблюдая, как страж отступает в сторону, освобождая проход.

Тимон проглотил ответ и уставился в пол. Молодец. Иногда подмастерье лучше хвалить молчанием — так не испортишь тот редкий момент, когда он действительно полезен.

Церемониймейстер выступил вперёд перед свитой. Тяжёлый чёрный плащ окутывал его плечи, серебряная цепь должности блестела на груди, а гладкое лицо казалось лишённым возраста. В руке он держал посох с маленькой аквилой — не боевой, не молитвенный, а предназначенный для указаний. Он коротко постучал им по скалобетону, и служители тут же начали двигать каталки с мертвецами и носилки с ранеными, освобождая путь для Аврелии.

Кладовщика отгеснили от мешков с репкой, но он не ушёл. Вместо этого он встал боком, поставил сапог на угол нижнего брезента и держал его так, будто это был не казённый семенной фонд, а его личный запас еды. Один из служителей потянул мешок к мокрому стоку.

— Туда нельзя, — резко сказал я.

Церемониймейстер медленно повернул ко мне лицо.

— Центральная полоса должна быть свободна, — произнёс он ровным голосом.

— Мешки наберут трупной воды, — возразил я. — Если в них попадёт кровь или споры, нижние ярусы жилых куполов будут голодать.

Кладовщик шумно втянул воздух и посмотрел на меня уже не как на идиота с покойниками, а как на того, кто понимает ценность семенного фонда.

Церемониймейстер смерил меня долгим взглядом, потом перевёл глаза на мешки и на лужу возле дренажного стока.

— К правой стене, — наконец распорядился он. — Одним рядом. Нижние мешки на сухую плиту, брезент подвернуть.

Двое служителей подхватили нижние мешки, переставили их и выровняли ряд вдоль стены. Я толкнул нашу каталку левее, чтобы колёса не цепляли нижний ряд. Тимон помог сзади и, к моему удивлению, почти не мешал.

— Видишь? — спросил я.

— Что? — не понял он.

— Когда человек прав по факту, даже церемониймейстер иногда вспоминает, что еда важнее красивого прохода по атриуму.

— Он всё равно на тебя смотрел, как на сквига... — прошептал Тимон.

— Главное, чтобы не велел меня сжечь вместе со сквигом, — усмехнулся я.

Тимон хотел улыбнуться, но не успел.

Певчие сервиторы внутри ворот грянули литанию. Их металлические голоса возвысились, заполняя пространство двора. Они пели о Святой Веронике Алой Купели, о крови,

которой держится северная Горловина, и о Боге-Императоре, который принимает павших без ошибки, даже если крепостной писарь иногда путает строку. Последнее, конечно, в литании не звучало — это я добавил уже для себя. Бог-Император простит, если у Него не заняты обе руки войной.

Аврелия де ля Восс вышла на центральную полосу. Два стража в чёрных кирасах шли перед ней, церемониймейстер следил, чтобы край дорожной ткани не попал в грязную воду. Два серво черепа поднялись выше, освобождая ей проход, и линзы в человеческих черепах развернулись к мёртвым. Они висели над её плечами, как и положено механизмам при церемониальном проходе власти.

Аврелия остановилась у первой каталки. Я увидел её ближе и удивился, почему Тимон от вида этой красоты не упал в обморок. Пшеничные волосы лежали под траурной вуалью ровно, без единой выбившейся пряди. Она была прекрасна настолько, насколько вообще может быть совершенна смертная женщина. Но мой взгляд то и дело возвращался к её перчаткам.

Белый шёлк. Тонкий шов. Чистые пальцы. Дорогая вещь. Вокруг — мокрый скалобетон, изгвазданный кровью, трупной химией и грязью с сапог, а её перчатки оставались безупречно белыми. Значит, кто-то заранее думал, куда она поставит ногу и куда положит руку. Служители подкладывали ткань, отводили носилки, убирали мешки. Аврелия оставалась чистой не потому, что вокруг не было грязи. Просто грязь убирали с её пути чужими руками раньше, чем она доходила до неё.

— Верные слуги Императора, — произнесла Аврелия.

Её голос оказался под стать внешности — ровный, мягкий и вместе с тем сильный. Услышав его, писарь сам выпрямил спину, кладовщик опустил глаза, а раненый на носилках на пару вдохов перестал стонать. Этот голос позволял окружающим самим решить, что сейчас вокруг не грязная приёмка обоза, а часть великой службы, сродни священнодействию.

Кладовщик, минуту назад готовый бодаться за мешки, притих. Даже Тимон перестал ёрзать и топтаться на месте.

— Вы принесли к стенам Святой Вероники боль, верность и павших, — продолжила леди-регент. — Крепость примет их имена. Святая услышит их у саркофага. Бог-Император не оставит без взгляда тех, кто дошёл до Его порога даже после смерти.

Слова были правильные. К ним нельзя было придаться, не выходя мелким, грязным и злым человеком, который спорит с утешением для мёртвых.

Но я обратил внимание не на слова и даже не на скрытый в них смысл, а на то, как служитель успел подложить чистую ткань на край ближайших носилок раньше, чем Аврелия положила туда пальцы. Писарь уже открыл новую страницу ведомости и поставил перо над новой строкой. Церемониймейстер двумя уверенными жестами выбрал тела с целыми лицами, и помощники сразу взялись за их каталки. Стражи тем временем оттеснили носилки с живыми к стене, чтобы центральная часть прохода осталась чистой для транспортировки погибших, которых можно было показать леди-регенту.

Тимон тихо сказал:

— Как она красиво говорит...

— Красиво или нет, — пожал плечами я. — Только вон тот у стены сейчас не от некрасивых слов умирает.

Тимон повернул голову к раненому. Тот лежал тихо, слишком тихо, а повязка у бедра уже потемнела от крови.

— Ему в госпиталь надо срочно, — прошептал Тимон.

— Вот теперь ты понимаешь, о чём я, — кивнул я.

Тимон замолчал. На этот раз не обиделся. Смотрел на раненого и думал — что для него уже было почти подвигом.

Церемониймейстер раскрыл перед Аврелией список и двумя пальцами придержал верхний лист, чтобы ветер из арки не завернул угол.

— Миледи-регент, три тела готовы к почётному обряду у саркофага Святой Девы, — произнёс он. — Их перенесут в зал подготовки павших. Омовение, новый саван, проверка имплантов, затем каталка до круга в зале саркофага.

Я сжал зубы, чувствуя, как внутри закипает что-то тяжёлое, кислое. Вот теперь слово «почётный» встало на своё место — мёртвым готовили омовение и путь к Святой Веронике, а живые ждали у стены, пока госпитальный шлюз проходил обеззараживание. Мёртвым — саван, живым — ожидание в грязи и крови. И все назовут это честью.

— Покажите, — коротко сказала Аврелия.

Писарь ткнул пальцем в три строки и заговорил громче, чтобы слышала свита:

— Офицер крепостной стражи Торий Валл. Офицер крепостной стражи Мартен Грис. Связист северного редута Иллар Дорн. Все трое доставлены с внешнего рубежа. Тела пригодны к подготовке для обряда.

Я посмотрел на выбранных. Два офицера лежали с целыми лицами, без пробитых черепов и крупных ожогов. Связисту повезло ещё больше: горловой имплант уцелел, кабельные гнезда под челюстью не выгорели, шейная пластина держалась на месте. Для церемониймейстера это были хорошие лица под чистый саван. Для медикае-службы — годные узлы, которые можно снять до кремации. Для писаря — аккуратная строка в ведомости. А на их бирки санитарные отметки сопровождения я поставил-то и не успел...

Я потянулся к первой бирке. Писарь это заметил и окрикнул меня:

— Санитар Кром, тела уже выбраны! Что ты делаешь?!

— Вот поэтому я и ставлю отметку сопровождения, — процедил я в ответ.

— Для почётной партии достаточно и регентской печати.

— Для церемонии — может быть. Для санитарной ведомости — нет, — возразил я, не отводя взгляда.

Он открыл рот, чтобы продолжить спор, но Аврелия подняла ладонь в белой перчатке.

— Пусть санитар исполнит малую обязанность, — сказала она. — Великий порядок держится на точности малых служб. Как твоё имя, санитар?

Писарь тут же закрыл рот так быстро, что, казалось, щёлкнули его зубы.

— Матвей Кром, миледи, — быстро поклонился я.

И поставил на бирках номер смены и короткую метку осмотра.

Леди-регент подошла к носилкам раненого с обрубком руки. Он лежал у стены, куда его отодвинули стражи, и держал культю у груди. Жгуты были наложены паршиво. Кровь сочилась уже сквозь бинты. Лицо у него посерело, губы растрескались, взгляд блуждал от меня к госпитальному шлюзу и обратно.

— Этому гвардейцу необходимо попасть в госпиталь, — пояснил я.

Церемониймейстер повернулся ко мне.

— Госпитальный шлюз закрыт до окончания обеззараживания после споровой тревоги.

— Тогда в обход через малый медикае-вход.

— Малый вход затворён печатью Адептус Механикус.

— Значит, печать техножрецов необходимо снять, — сообщил я ему. — Иначе живые герои очень скоро станут мёртвыми.

Писарь вздохнул — тихо, едва слышно, но я уловил этот звук.

Аврелия подошла ближе к раненому.

— Ваше имя? — спросила она тихо, но её услышали все.

Раненый попытался ответить, но вместо имени вырвался лишь влажный, прерывистый звук, похожий на всхлип. Я наклонился к его шейной табличке.

— Артель Восс, боец крепостной стражи, третья стрелковая рота, — прочитал я.

— Артель Восс, — повторила Аврелия.

Она произнесла это так, будто знала его давно, будто это имя было ей дорого. От этого стало не по себе — человек, чьё имя произносят с такой интонацией перед смертью, словно прощается не с жизнью, а с какой-то несправедливостью, и прощает тех, кто не успел ему помочь.

— Ты дошёл до порога Святой Вероники, — сказала она мягко. — Твоя кровь не потеряна. Твою боль услышат у саркофага Святой Девы.

Раненый перестал дёргаться. Я видел такое и раньше, только после хорошей дозы обезболивающего, когда боль отступает. Только сейчас никто ничего не вводил. Белая перчатка Аврелии легла рядом с его пальцами на чистую ткань, которую помощник успел подложить под её руку.

Тимон прошептал:

— Благословение...

— Быть не может, — прошептал я. — Как так-то?

Тимон посмотрел на меня испуганно и зло. Ему хотелось верить в чудо. Я его понимал. Когда вокруг кровь, гарь, мёртвые и закрытый госпитальный шлюз, человек хватается за чудо обеими руками, даже если у чуда белые перчатки и регентская печать.

Артель Восс умер спокойно. Пальцы у него разжались. Лицо стало мягче. Дыхание сначала выровнялось, потом ушло совсем. Писарь нашёл нужную строку так быстро, будто ждал этого с самого начала.

— Стрелок крепостной стражи Артель Восс, павший у порога Святой Вероники, — произнёс он буднично.

Служитель рядом повторил имя. Певчие сервиторы подняли голос на одну ноту. Я сжал край носилок так, что костяшки побелели.

— Он был живой...

Аврелия повернула ко мне лицо. В её взгляде не было ни осуждения, ни оправдания, только тихая уверенность.

— Он был верен, — ответила она. — До конца.

— Ему нужен был новый жгут и госпиталь, — возразил я.

— Милость. Ему нужна была милость, — возразила она спокойно. — Иногда человек доходит не до лечения, санитар Кром, а до смысла.

Тимон застыл рядом. Церемониймейстер смотрел на меня так, будто пока не выбрал, в какую графу меня записать. Грубость? Может, нарушение сословных правил или недостаток благочестия.

Спорить дальше — значит дать им повод отстранить меня от службы. На секунду я даже задумался, чтобы продолжить и способствовать этому варианту развития событий. Тогда я отдохну. Артеля Восса я уже не вернул бы всё равно. Зато трое выбранных мёртвых ещё лежали с моими отметками на бирках. Иногда Бог-Император даёт человеку не победу, а просто следующую возможность не провалить всё окончательно.

Аврелия словно услышала то, чего я не сказал.

— Санитар Кром, — произнесла она, — вы сопроводите почётную партию до зала подготовки павших. Ваши отметки должны быть сохранены в ведомости. Я не хочу, чтобы малая служба сказала потом, будто траурная церемония нарушила порядок проверки.

Писарь быстро поставил в журнале новую пометку.

Теперь всё выглядело законно. И это немного меня успокоило. Меня спокойно и добровольно пропускали внутрь, но не потому, что я настоял на этом. Меня просто вписали в маршрут потому, что так было удобнее для всех.

Тимон дёрнул меня за рукав.

— Кром, а мне?

— Что тебе?

— Мне с тобой?

Я посмотрел на его худую шею, чужой халат и принял решение.

— Нет, — отрезал я коротко.

Он побледнел.

— Почему?

— Потому что там не учебка.

— А здесь что?

Я оглянулся. Кровь уходила в дренаж, закручиваясь воронкой. Мешки с репкой были надёжно укрыты брезентом. Сквиговая туша лежала на носилках.

— Здесь тоже не учебка, — ответил я. — Но здесь тебе хотя бы есть чему учиться.

Он сжал губы. Мальчишеская обида отразилась на его лице.

— Я могу держать каталку.

— Уже можешь. Поэтому останешься здесь.

— Ты сам сказал, что без меня саван оторвётся.

— Я много чего говорю, чтобы ты работал.

Аврелия благосклонно смотрела на нас и не вмешивалась. И от этого мне стало окончательно ясно, что отказываться от компании Тимона сейчас уже поздно. Если я оставлю его снаружи, его всё равно возьмут с собой, а потом спросят. Кто что видел, кто что слышал, кто помогал с бирками, почему санитар Кром поставил отметки. Подмастерье будет отвечать один, без меня, перед людьми, которые умеют сплести из правильных вопросов удавку. Я выругался про себя.

— Встанешь сзади, — сказал я. — Раму держишь обеими руками. Глаза на колёса. Рот закрыт, пока я не спрошу.

Тимон кивнул слишком быстро.

— Понял.

— Не понял... Но ты меня услышал. Наконец-то.

Внутренние ворота подняли не сразу. Сначала сервопривод потянул цепи, потом в глубине арки клацнули два запора, и только после этого створка поползла вверх. Изнутри крепости потянуло свечным дымом и пылью роккрита, по которому столетиями возили мёртвых к святыне.

Певчие сервиторы запели громче. Теперь я различал слова о Непрестанном Заступничестве, об Алой Купели и о святой плоти, которая хранит стены.

Служители развернули выбранные каталки к проходу.

Мёртвый надзиратель пенитентной команды. Два офицера крепостной стражи. Связист с целым горлом. Артель Восс, который минуту назад был раненым, а теперь стал павшим у порога. Все они получили новые места в моём новом распорядке дня.

Тимон встал сзади и взялся за каталку.

— Матвей, — тихо сказал он.

— Что?

— Она правда его благословила?

Я посмотрел на Аврелию. Рядом служитель держал чистую ткань наготове, если ей снова понадобится коснуться чужой боли.

— Не думаю, — ответил я и тут же себя поправил. — Не знаю...

Я не знал, что сделала Аврелия де ля Восс, но для всех вокруг это почему-то выглядело как милость. Я видел другое: вмешательство в состояние раненого без препарата, инструмента и допуска.

Обычная милость так не работает. В моём понимании леди-регент должна была приказать снять карантин с госпитального шлюза или вызвать техножреца, чтобы снять печать с

малого медикае-входа. Я видел только её белую атласную перчатку, чистую ткань под пальцами и слышал спокойный женский голос.

А потом к раненому пришла смерть, которую все вокруг отчего-то приняли как благо.
Я толкнул каталку в крепостной шлюз.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

После того как мы миновали шлюз и оказались внутри, стало заметно суше, холоднее и тише, чем во дворе у ворот, где мы принимали обоз. Там ругались кладовщики, кашляли раненые, скрипели каталки и тянуло гарью из крематорного флигеля. Здесь же звук гас в высоком коридоре с тёмными роккритовыми стенами, бронзовыми направляющими в полу и вентиляционными решётками под сводом.

Я вдохнул привычную крепостную смесь запахов: дезраствор после утренней промывки, свечной воск, копоть от прометиевых лампад и машинную смазку у дверных механизмов. Нормальные запахи внутреннего коридора. Если пахнет дезраствором и смазкой, значит, здесь что-то моют и какие-то двери ещё открываются. Пройдёт совсем немного времени, и я перестану их ощущать.

Тимон сзади взялся обеими руками за боковую рукоять каталки, на этот раз правильно. Чему-то я его всё-таки успел научить.

Перед нами шёл служитель леди-регента. Чистый кружевной воротник, массивная серебряная цепь должности на груди, узкие плечи человека, который не привык поднимать тяжести, если это не тяжесть ответственности за распоряжения. В руке у него была табличка допуска с регентской печатью. Он держал её так, чтобы на каждом посту первым видели печать Аврелии, а уже потом нас. Пожалуй, на этом практическая польза после того, как он к нам присоединился, и заканчивалась.

— Санитар Кром, не отставайте, — процедил он, не оборачиваясь. — До следующей литании тела героев должны быть в зале подготовки.

Переднее колесо каталки попало в стык между плитами. Я вывел его обратно на бронзовую направляющую и только потом ответил:

— Быстрее не получится. Если мы не хотим на повороте потерять почётного мертвеца.

Служитель остановился и посмотрел на каталку, на саван, а потом уже на мои руки. Мне стало стыдно из-за того, что они грязные.

Служитель поджал губы. Он понял, что упавший труп задержал бы церемонию намного сильнее, чем просто медленный санитар.

— Тогда держитесь направляющих, — сказал он. — Я пойду вперёд и постараюсь, чтобы церемонию не начали раньше времени. На первом посту скажете, что вы ответственный санитар. Я предупрежу о вас.

Он ушёл вперёд, а мы покатали носилки вдоль бронзовых полос, тянувшихся от ворот к внутренним постам. По этим полосам колёса шли ровнее, но на поворотах они попадали в ограничители, а возле каждой арки считыватели проверяли бирки и свинцовые пломбы. В этих коридорах мёртвое тело нельзя было просто провезти вперёд. Стражи, сервиторы, писари и клятвенные защитники останавливали каталку, сверяли имя, проверяли печати и только потом открывали следующий проход.

На первой арке висела табличка:
ПЕРВЫЙ КЛЯТВЕННЫЙ ПОСТ
СЕРАФИМ ГОЛЬЦ
ПЕЧАТЬ ГЛАЗА

У первого поста стоял человек в серых доспехах крепостной стражи. Высокий, сухой, с коротко остриженными седыми волосами и старым ожогом на левой стороне шеи. На груди у него была клятвенная пластина с аквиллой и знаком раскрытого глаза. На поясе висела связка массивных ключей, в руках он держал пломбир.

— Стоять, — окликнул он нас. — Кто такие?

— Санитары, — отозвался я. — Везём почётного мертвеца по распоряжению миледи-регента Аврелии де ля Восс.

Серафим Гольц посмотрел на печать, потом на меня.

— Регентская печать довела вас до первого поста, — сказал он. — Дальше я должен знать, кто отвечает за тела.

— Санитар Матвей Кром, — представился я. — Тела принял во дворе у ворот. Бирки проверил. Санитарные отметки поставил.

— Кто это с тобой?

— Тимон. Подмастерье младшей санитарной смены. Мой ученик. Помогал мне во дворе. У меня приказ обучить и сделать из него санитара.

Серафим перевёл взгляд на Тимона.

— Руки покажи.

Тимон растерялся, но промолчал. Хорошо. Иногда обучение всё-таки проникает в голову. Я коротко кивнул ему, подбадривая.

Тимон отпустил рукоять и показал ладони. Серафим посмотрел на руки, потом сделал запись в книге.

— Зачем он здесь, Кром? — задал резонный вопрос Серафим.

— Подмастерье участвовал в переноске. Идёт как стажёр при ответственном санитаре. У меня ответственность за него до конца смены.

Серафим спокойно поднял на меня взгляд, и я поразился, насколько ясные у него глаза. До того, что казалось, они светились изнутри.

— В распоряжении леди-регента подмастерье не указан.

Серафим поставил палец на свежую строку в книге.

Тимон посмотрел на меня.

— Значит, ты отвечаешь за моё обучение, Матвей?

— Значит, ты держишь каталку, не вякаешь и не превращаешься в лишнюю проблему.

Серафим проверил бирку первого тела, нажал считывателем на свинцовую пломбу. Потом повторил то же самое со вторым, третьим и надзирателем пенитентной команды.

После каждой проверки он ставил короткую отметку в книге и только потом переходил к следующему телу. Мне это понравилось. Серафим Гольц смотрел не на регентскую печать, а на то, что лежало перед ним на каталке.

Он остановился у связиста.

— На этом теле санитарная отметка незакрытого осмотра.

— Всё верно, клятвенный страж, — поспешил я с ответом. — Горловой имплант целый. Тело выбрали для обряда до полной проверки.

— Почему ты не снял отметку после распоряжения леди-регента?

— Потому что когда леди-регент отдаёт распоряжение, она не проверяет горло и не отвечает за санитарную ведомость.

— И?

— А я отвечаю.

Серафим впервые посмотрел мне прямо в лицо.

— Хороший ответ, санитар, если сможешь за него расписаться.

— Рад стараться, клятвенный страж.

Он поставил свою печать на сопроводительную строку.

— Первый пост пропустил.

Тимон всё это время смотрел на ключи у него в руке.

— Он правда мог нас не пустить? — тихо спросил Тимон, когда мы двинули каталку дальше. — Я думал, что клятвенная стража только за церемониал отвечает.

— Мог, — сказал я.

— Даже с печатью леди-регента?

Серафим услышал и закрыл книгу.

— Печать леди-регента открывает дверь до моего поста. Мой ключ открывает дверь после него. Так устроена клятва.

Тимон сглотнул.

— Вы один из семи?

— Я первый из семи, подмастерье.

— А почему у вас ключи, а не силовой меч, например?

Серафим ответил спокойно:

— Потому что у саркофага семь постов. Первый проверяет право войти. Если первый пост ошибётся, остальные шесть это исправят.

— А если кто-то прорвётся силой?

— Тогда дальше стоит сестра Эдна Рейк. У неё есть цепной меч и силовые доспехи. Терпения у неё намного меньше, чем у меня.

Я толкнул каталку вперёд и усмехнулся:

— Слышал, стажёр? На втором посту рот держишь закрытым.

— Слышал, — сказал Тимон.

Мы миновали первую арку.

За ней коридор стал уже. По обе стороны в роккрите стояли ниши с лампадами, табличками и старыми щитами крепостной стражи. На щитах были выбиты имена людей, погибших у Горловины до нашего рождения, до рождения наших отцов и, возможно, до рождения тех, кто сейчас считал себя начальством, хотя они живут неизмеримо дольше нас. Если читать все имена павших за крепость Святой Вероники, думаю, на это уйдёт не одна неделя.

Тимон всё-таки не выдержал.

— Матвей, а почему леди-регент не может просто приказать открыть все посты?

— Потому что леди-регент управляет планетой, — ответил я. — А саркофаг Святой Вероники ей не принадлежит.

— А кому принадлежит?

— Формально — Экклезиархии, Ордену Сороритас, крепости и клятвенному кругу. На деле — тем, кто стоит у постов и не выпускает из рук ключи.

Тимон нахмурился.

— Но она же регентша-губернатор.

— Вот именно. Регент. Не губернатор, не святая, не настоятельница крепости, не старшая сестра ордена и не клятвенный защитник у саркофага. У неё есть власть над дорогами, складами, гарнизоном, налогами и головами тех, кто не успел спрятаться за правильную печать. А здесь порядок другой, подмастерье.

— И она с этим мирится?

— Думаю, она женщина умная. Умные не ломают заведённый порядок вещей, а используют к своей выгоде.

Тимон посмотрел назад, туда, где за первой аркой остался Серафим Гольц.

— А если она прикажет страже?

— Крепостная стража у ворот подчинится. Клятвенный пост у саркофага спросит с неё. Тут всё держится не на доброте, а на страхе. Все помнят, что один неверный допуск у саркофага может стоить больше, чем один обоз мёртвых.

— Такое уже случилось?

Я перевёл каталку между двумя бронзовыми направляющими, дождался, пока заднее колесо пройдёт стык, и только потом ответил:

— Если бы не случилось, семь постов не поставили бы и стражу не связали бы клятвами.

Тимон некоторое время честно старался молчать и смотрел на щиты с именами. Потом всё-таки спросил:

— Матвей, а почему их так много?

— Кого «их»?

— Покойников. И имён. И обозов. Нас учили, что крепость стоит в тылу.

Я криво усмехнулся.

— В учебке любят такие слова. «Тыл» — хорошее слово. Сразу кажется, будто спереди кто-то воюет, а ты сзади спокойно таскаешь носилки.

— А на самом деле?

— На самом деле северный материк уже сорок лет как не могут нормально дочистить от орков. После старого падения орочьего рока их споры ушли в шахты, водостоки, ледяные трещины и старые промышленные полости. Больших орков выбивают, мелочь выжигают, сквигов гоняют огнёмётами, гротов давят сапогами, а через сезон где-нибудь под шахтами Кальдеры опять кто-то находит зелёную дрянь.

Тимон помолчал и снова спросил:

— То есть они тут навсегда?

— Не думаю. Огнёмёты неплохо справляются со споровым заражением. Рано или поздно мы от них избавимся. Иногда начальство объявляет сектор очищенным. И мы выдыхаем спокойно.

— И что?

— Потом присылают новый обоз.

Он помолчал, переваривая.

— А почему их всех сюда везут?

Я провёл переднее колесо между бронзовыми направляющими, чтобы оно не ударило о край ограничителя, и ответил только после поворота:

— Потому что крепость Святой Вероники стоит на Горловине и запирает её. Через неё идут дороги с северных редутов, шахт, пенитентных лагерей и малых постов. Здесь госпиталь, морг, крематорий, склады, клятвенный саркофаг и писари, которые умеют превращать мясо обратно в имена. Убили человека на третьем редуте — везут сюда. Нашли куски пенитентов после нападения сквигов — сюда. Принесли заражённый грунт с орочьими спорами — сюда. Сдох сквиг — тоже сюда, если рядом нет печи.

— Сквигов тоже?

— Сквигов особенно. Орочью падаль нельзя оставлять в земле. Плохо сожжёшь — потом из этой земли снова ползет зелень, и какой-нибудь дурак скажет, что зачистка прошла успешно, просто трава там странная. А это и не трава вовсе, а новая орда вызревает.

Тимон сглотнул.

— А героев зачем сюда?

— Для обряда, если семья ещё жива, и для начальства, которому нужно знать, сколько людей у него осталось. Герой без бирки быстро становится потерянным имуществом Империи. А потерянное имущество у нас не любят.

— Значит, покойников много, потому что орки близко? — перебил меня стажёр, поняв, что я завёл любимую тему.

— Потому что орки близко, а люди упрямые. Нам нужны шахты, дороги, редуты, а южные купола хотят есть три раза в день и греться под ласковыми лучами. Пока всё это нужно, кто-то будет сидеть на севере в крепости Святой Вероники, удерживать редуты и подниматься в штыковые атаки на орков. Победят — проведут зачистку и передвинут редут.

— А потом?

— Потом всё снова. Позиционные бои, атаки, а мы будем принимать обозы в крепости.

Он посмотрел на имя на ближайшем щите.

— А если северный континент, наконец, зачистят от орков?

— Тогда нам дадут несколько месяцев тишины, потом урежут пайки, переведут часть смен на ремонт и строительство, ещё через пару месяцев объявят победу в трёх литаниях.

— А после?

Я снова усмехнулся.

— Потом где-нибудь опять провалится водосток, из него вылезет клыкастый трёхметровый орк с чоппой, и всё начнётся сначала.

— Весело живём.

Казалось, Тимона наш разговор потряс. Но лучше пусть он всё это узнает от меня, чем от своих дружков за чисткой сортиров.

— Зато безработица нам не грозит, подмастерье.

— Это должно меня утешать?

— Капеллан тебя утешит, если сочтёт нужным, а пока толкай каталку.

Второй пост расположили за поворотом длинного коридора под высоким сводчатым потолком. На табличке было имя сестры Эдны Рейк, Печать Меча. Сама она стояла у решётчатой двери в силовой броне Сороритас без шлема. Я автоматически отметил широкое невыразительное лицо и сломанный нос, на правой щеке выделялся шрам до угла рта. За спиной у стража был цепной меч, на поясе — розарий, на правой руке — старая ожоговая перчатка.

Эдна сначала посмотрела на колёса каталки, потом на саваны, потом на руки Тимона.

— Мы по распоряжению миледи-регента...

— Печать вижу, — проворчала Эдна. — Не слепая. Кто вас пропустил через первый пост?

Я подал сопроводительную строку.

— Серафим Гольц. Я санитар Матвей Кром. Мы везём почётные тела с отметками незакрытого осмотра. Подмастерье со мной.

Эдна прочитала строку.

— Гольц пропустил подмастерье?

Тимон выпрямился.

— Я помогаю своему мастеру, сестра. Он отвечает за меня.

— Тогда помогай, а не докладывай раньше старшего. Я не с тобой разговариваю, юноша.

Тимон покраснел, но промолчал.

Я, едва сдерживая ухмылку, ответил:

— Он учится. Приношу свои извинения за его болтливость, страж. У него сегодня первая настоящая смена.

Эдна вперила в Тимона тяжёлый взгляд.

— На третьем посту техножрец. Он будет проверять тела приборами. Там не задают вопросы, не лезут руками и не вякают, пока старший не разрешит. Всё ясно?

— Я всё понял, сестра. Извините меня.

— Извинения приняты, но техножрец не настолько добрый, как я. Может для профилактики поджарить твою задницу разрядом движущей силы. Я одного такого видела, неделю у него волосы стояли торчком.

Тимон открыл рот, но я посмотрел на него в упор, и он закрыл рот сам.

Эдна заметила это и удовлетворённо кивнула.

— Уже лучше, стажёр.

Она проверила, не сдвинулись ли тела под саванами, постучала двумя пальцами по раме связиста и отступила от двери.

— Второй пост пропустил. На третьем говорите только по делу и когда спросят. Техножрец не любит лишней болтовни.

— Учту, сестра, — сказал я. — Да хранит тебя Бог-Император.

Эдна кивнула почти благосклонно.

— Держи мальчишку поближе.

Тимон хотел что-то сказать, но снова промолчал. Прогресс.

Мы миновали второй пост, но тишина, прерываемая поскрипыванием одного из колёс, продлилась недолго.

— Сколько идём, каждый щит исписан именами полностью, — сказал Тимон. — Их вообще сколько?

— Достаточно, чтобы ты перестал считать.

— А всех к Святой отправили?

— Кого-то к Святой. Кого-то в печи. Кого-то в ведомость и больше никуда.

— А кто решает?

Я кивнул назад, туда, где осталась Эдна, потом вперёд, к следующим аркам.

— Писарь записывает. Церемониймейстер выбирает тела для обряда. Медикае-служба смотрит, что можно снять до кремации. Семь клятвенных защитников решают, можно ли тело подвести к саркофагу. Я смотрю, чтобы тело не назвали не тем именем.

Третий пост стоял у низкой бронзовой рамы, вмонтированной в пол. На раме стояли три считывателя, маленький пульт и сервочереп с механическим ухом вместо левой височной кости. Техножрец в бурой хламиде с капюшоном не поднял лица, когда мы подошли. На груди у него висел знак Механикус, а из рукавов выходили две живые руки и четыре тонких механических манипулятора.

— Паломники, колёса тележек в пазы, — проскрипел он через горловой вокабулятор. — Бирки перевернуть. Сторонние разговоры прекратить.

Тимон удивлённо моргнул, но рот не открыл.

Я завёл первую каталку в пазы. Ограничители поднялись и зажали переднюю ось. Техножрец провёл считывателем по бирке, потом по свинцовой пломбе, потом по моей санитарной отметке. Красный окуляр под капюшоном задержался на маленьком крючке у края бирки.

— Санитарная отметка задерживает обряд. . .

— Почётная подготовка назначена распоряжением миледи-регента, — сказал служитель.

Техножрец наконец поднял голову. Под капюшоном я увидел бледную кожу, красный окуляр и второй глаз, живой, цепкий, внимательный, злой.

— Распоряжение регента не отменяет показаний прибора.

Я кивнул на связиста.

— Вот это тело и надо смотреть прибором. Горловой имплант цел, осмотр ещё не закрыт.

— Тело с горловым имплантом подай вперёд, мирянин.

Мы с Тимоном подвели каталку. Манипулятор техножреца поднял край савана у шеи, не касаясь кожи, и тонкий кабель вошёл в гнездо шейной пластины.

На пульте появились строки.

— Питание отключено, — прочитал техножрец. — Внутренний заряд равен нулю. Активность не зарегистрирована. Имплант полностью работоспособен, но не активен.

— Значит, тело можно вести дальше? — спросил я.

Техножрец нажал вторую клавишу.

— Память мембраны показывает два коротких срабатывания после отключения питания.

Я поднял руку, чтобы Тимон молчал.

— Вы можете прочитать это вслух полностью? — сказал я. — Мне это необходимо для заполнения ведомости. Такое поведение импланта необычно.

Техножрец помолчал, а потом проскрежетал:

— Это действительно нетипично для имплантов без внешнего источника движущей силы.

Тимон побледнел.

— При отключённом питании он не должен был сработать?

— Не должен, — подтвердил техножрец.

Я решил разрядить обстановку:

— После боя механизм мог дать сбой...

— Сбой требует питания, — сказал техножрец. — Заряда движущей силы нет. Данный горловой имплант дважды сработал уже после смерти носителя. Питания в нём уже не было, потому что он использует тепло живого организма для работы.

Я посмотрел на шейную пластину связиста.

— Значит, либо прибор врёт, либо на имплант подали сигнал снаружи.

— Прибор полностью исправен, — сказал техножрец.

Тимон тихо спросил:

— Снаружи — это откуда?

Я не дал ему договорить.

— Не угадывай. Сначала всё нужно проверить.

Техножрец отключил кабель и поставил на мою отметку маленькую печать Адептус Механикус.

— Это тело не проходит к саркофагу. Требуется дополнительная проверка.

Я возразил:

— Но миледи-регент ждёт эти тела у саркофажного круга.

— Миледи-регент получит причину задержки, — проскрежетал техножрец. — Я сам ей об этом сообщу. Третья печать не открыта.

— Мне придётся доложить об этом церемониймейстеру.

— Да, обязательно доложите в точности, что здесь произошло, — техножрец не испугался. — Питание ноль. Заряд ноль. Два срабатывания после смерти. Подпись третьего поста.

Служитель посмотрел на меня.

— Санитар Кром, задержка обряда будет отмечена.

— Отмечайте рядом с показаниями прибора, — сказал я. — Так будет понятнее, почему мы здесь стояли.

Больше приборы техножреца никаких аномалий не зафиксировали, и мы прошли проверку без приключений.

Теперь связиста нельзя было просто положить под новый саван и вести к саркофагу вместе с остальными. На его бирке стояла печать третьего поста, а рядом с ней моя санитарная отметка. Каждый следующий служитель должен был либо подтвердить задержку, либо взять на себя ответственность и пропустить тело дальше.

Четвёртый пост стоял у входа в зал подготовки павших. На табличке значилось:

ПЕЧАТЬ СВЕЧИ

За узким столиком сидел старый лысый капеллан с худым лицом и красными глазами. Перед ним горели семь тонких свечей, каждая с номером своего поста.

Капеллан посмотрел на отметку техножреца и сразу задул третью свечу.

Тимон вздрогнул.

— Это плохо?

Капеллан поднял на него глаза.

— Третья печать не дала проход. Значит, третья свеча для этого тела не горит.

— А если проверка всё объяснит?

— Тогда я снова зажгу её от первой свечи. Если проверка не объяснит, связиста отправят вниз, а не к саркофагу.

Я показал свою отметку на бирке.

— Нам в зал подготовки.

Капеллан поставил знак в ведомости.

— Идите. В зале слушайте старшего госпитальера. Она отвечает за тело после моей двери.

— Понял, святой отец.

— Не святой, санитар. Просто старый. Святые лежат, горят или ждут своей очереди.

Он открыл дверь.

Зал подготовки павших оказался длинным, низким и чистым. Справа стояли столы для омовения. Слева — подставки для новых саванов. У дальней стены висели полки с медными тазами, щётками, кувшинами дезраствора, ножницами, зажимами и чистыми бирками. Над каждым столом горела лампа под жестяным козырьком. Свет падал вниз, на руки и инструменты, а не в глаза.

Старший госпитальер встретила нас у первого стола.

Невысокая, широкоплечая, в белом переднике поверх серой рабочей рясы. На переднике было три бурых пятна. Одно свежее. Волосы она убрала под чепец, рукава закатала выше локтей, на запястьях виднелись старые ожоги от дезраствора. Глаза у неё были усталые. В общем, это, наверное, неплохо для того, кто работает у стола с мёртвым.

Она взяла ведомость, увидела печать третьего поста и коротко выругалась себе под нос.

— Третий пост не пустил тело к саркофагу?

— Не пустил, — ответил я. — Горловой имплант сработал дважды после смерти. Питания нет.

— Значит, красивый саван подождёт. Тело с имплантом переложить на стол. Шейную пластину открыть. К импланту руками не лезть.

Мы подвели каталку к столу. Сервитор поднял скобу и зафиксировал колёса. Госпитальер разрешила ткань формы у шеи связиста, не задев кожу.

— Имя?

— Иллар Дорн. Связист северного редута.

— Когда его последний раз видели живым?

— Это случилось не при мне, старший госпитальер. Он получил смертельное ранение на редуте этой ночью. На последнем перевалочном блокпосте он уже был мёртв.

— Кто выбрал его для обряда?

— Писарь показал. Церемониймейстер подтвердил. У леди-регента возражений не было.

— Конечно, не было. Лицо целое, горло целое, шейная пластина на месте.

Тимон тихо спросил:

— А если бы лицо было разбито?

Госпитальер даже не подняла головы.

— Тогда его побыстрее отправили бы в печь.

Мне она понравилась окончательно.

Госпитальер уже открыла шейную пластину горлового импланта связиста. Плоский корпус у гортани, два кабельных гнезда под челюстью, тонкая мембрана спереди. Я заметил, что кровь вокруг уже успела высохнуть. Ожогов не было. Провода не расплавились.

— Имплант целый, — сказала она. — Питания нет. Батарея или аккумулятор не предусмотрены конструкцией. Если он щёлкнул после смерти, значит, на него пришёл сигнал.

— Техножрец сказал то же самое, только длиннее.

— Техножрецы говорят для приборов. Я говорю для санитаров: на имплант пришёл сигнал извне. У вас есть с собой приборы на движущей силе?

Я потянулся к карману с фонариком, но потом вспомнил, что он сломался декаду назад.

— Нет, — ответил я. — А у тебя?

Тимон отрицательно покачал головой и посмотрел на шейную пластину.

— А кто мог подать сигнал?

— Тот, у кого есть передатчик, доступ к частоте или устройство, которое работает не как обычная вокс-связь. Но сначала прибор, потом догадки.

Она нажала клавишу на столе. Из стены выдвинулась тонкая дуга сканера, прошла лучом по горлу связиста и убралась обратно. На табличке появились строки.

Госпитальер прочитала:

— Питание ноль. Внутренний заряд ноль. Повреждений нет. Память мембраны показывает три коротких сигнала за последний час.

Я поднял голову.

— Три?

— Три.

— На третьем посту было два.

— Значит, третий случился после проверки.

Мы все замолчали.

В зале сразу стало слышно, как капает вода из крана у второго стола, как дальний сервитор скребёт щёткой по мёртвой руке, как за стеной певчие тянут литанию для леди-регента и двух офицеров, которых ещё не сняли с почётного обряда.

Горловой имплант щёлкнул.

Сухо и тихо. Прямо под открытой шейной пластиной. Я видел его в этот момент. К импланту никто не прикасался.

Тимон дёрнулся к каталке.

— Не трогай, — предостерёг я.

Он застыл с поднятой рукой.

Госпитальер медленно отложила ножницы на стол и нажала красную клавишу записи.

На табличке появилась новая строка:

ЧЕТВЁРТЫЙ СИГНАЛ

ПИТАНИЕ ОТКЛЮЧЕНО

ПРИКОСНОВЕНИЯ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ

ИСТОЧНИК СИГНАЛА НЕ ОПРЕДЕЛЁН

— Запись чистая, — сказала она. — Сигнал прошёл при свидетелях.

— Бой и раны здесь ни при чём, — заметил я.

— Это вообще не остаточный сигнал или нагрев. Кто-то снова послал сигнал на имплант.

Тимон прошептал:

— Техноересь или техночудо?

Я посмотрел на него.

— Ты сейчас хочешь угадать, подмастерье?

Он закрыл рот. Старший госпитальер накрыла горло связиста чистой тканью.

— Вниз его. В малую санитарную крипту.

— Почему вы не проведёте осмотр здесь? — спросил Тимон.

— Потому что здесь слишком близко к залу саркофага. Если имплант щёлкнет ещё раз, каждый служитель начнёт кричать про чудо, знак Бога-Императора, кощунство или техноересь. В крипте будут столы, приборы, журнал записи и закрытая дверь. Там каждый щелчок пойдёт в акт, а не в литанию.

— Кто ставит допуск на крипту? — спросил я.

— Пятый пост. Печать Крови. Старший медикатор крепости. Без его отметки тело вниз не уйдёт.

— Он знает, что мы привезём тело?

— Сейчас узнает. Я отправила сервочереп с показаниями третьего поста и записью четвёртого сигнала.

Она поставила на бирку связиста свою метку: маленький квадрат медикае-службы рядом с моим санитарным номером и печатью третьего поста.

— Тело остаётся под твоим сопровождением, Кром, — сказала она. — Я беру проверку на себя, но с каталки ты его не снимешь, пока старший медикатор не примет в крипте. Твоя отметка первая.

Я кивнул.

Две сестры-госпитальеры уже взялись за каталки с офицерами и повели их к обрядовым столам. Капеллан у двери снова зажёл третью свечу для почётного прохода. Их тела начали готовить для церемонии.

Погибший связист остался на нашей каталке, а на его бирке теперь стояли моя санитарная отметка, печать третьего поста и квадрат медикае-службы. Старший госпитальер ткнула пальцем в эти три знака.

— Видишь, Кром? Теперь ты везёшь не почётную партию. Ты везёшь тело, которое не пустили к саркофагу до проверки. С каталки не снимать, в чужие руки не отдавать, вниз вести только после допуска пятого поста.

Я кивнул. Офицеров забирали для подготовки церемонии. Связист оставался под моей ответственностью, потому что первая незакрытая отметка на его бирке была моя.

— Теперь его у нас не заберут? — спросил Тимон.

— Заберут, если появится кто-то с правом выше моей подписи.

— А такой есть?

Я усмехнулся.

— Конечно, такой всегда есть. Например, старший медикатор крепости.

— Тогда зачем мы вообще ставим свои отметки?

— Чтобы он пришёл сам, назвал себя и оставил свою подпись. После таких отметок мелкий служитель с чужим приказом уже не сможет просто увезти тело.

Тимон подумал.

— То есть подписи не защищают?

— Защищают. Просто не от всех.

— Удобная у нас служба.

Вывод был неожиданный, и я не нашёлся, что на него ответить, просто пожал плечами.

У двери к малой санитарной крипте стояли старший сервитор, красная пластина допуска и латунный замок. Сервитор вставил ключ в гнездо, повернул его на четверть оборота и дождался, пока старший госпитальер поставит ладонь на пластину. Только после этого створка ушла внутрь. Из прохода пахнуло холодом.

Тимон посмотрел через плечо. Я взялся за носилки.

— Тимон, смотри под ноги. На повороте не дёргай.

— Понял.

— Пошли тогда.

На первом повороте горловой имплант под тканью щёлкнул снова.

Тимон сразу остановился.

— Матвей...

— Я всё слышал. Не останавливайся.

— Это уже пятый раз?

— Пятый за последний час. Второй при нас.

— И что теперь?

Я посмотрел на закрытое тканью горло связиста.

— Мы доведём тело павшего героя до старшего медикатора, подмастерье, — ответил я.
— И проверим, кто зовёт мёртвого через имплант.

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Красная линия перед дверью малой санитарной крипты была вытерта сапогами до самого камня. Я остановил каталку перед ней. Дальше начинался пятый пост.

На створке висела круглая медная пластина с выдавленным знаком капли крови. Под ней крепилась короткая табличка:

ПЯТЫЙ КЛЯТВЕННЫЙ ПОСТ ПЕЧАТЬ КРОВИ ВХОД ПО ДОПУСКУ СТАРШЕГО МЕДИКАТОРА

У двери стоял сервитор с латунным ключом в зажиме. Красная пластина допуска светилась ровно, без мигания. Значит, дверь была заперта не из-за поломки. Её не открывали, пока старший медикатор не положит ладонь на пластину допуска и не внесёт тело в журнал пятого поста.

Тимон остановился рядом со мной и посмотрел на связиста под тканью.

— Мы же уже пришли? — спросил он тихо.

— Почти, — ответил я. — Но в нашей службе «почти» вполне может значить, что «ещё могут завернуть обратно».

Дверь открылась раньше, чем он успел задать ещё один вопрос. Из крипты вышел старший медикатор крепости.

Я почему-то ожидал увидеть серого старика с трясущимися руками, кислым лицом и голосом человека, который давно устал от мёртвых. Вместо этого к нам вышел высокий бодрый мужчина в чистом тёмно-зелёном халате медикае-службы, с белым передником, аккуратной короткой бородой и такими ясными глазами, будто он только что не из крипты вышел, а с прогулки по южным куполам. На поясе у него висели ножницы, зажимы, складной скальпель, пенал с пломбами и маленькая книга в кожаном чехле. Руки были вымыты до красноты. Ногти коротко острижены. Манжеты застёгнуты. Ни одного лишнего пятна.

Он выглядел так, будто мог вытащить пулю, подписать посмертный акт и сделать санитару замечание за грязный воротник, не повышая голоса ни на одном из трёх дел.

— Санитар Кром? — уточнил он приятным баритоном. — Сервочереп уже принёс мне радостную весть. Мёртвый связист, целый горловой имплант, два сигнала на третьем посту, четвёртый при старшем госпитальере. Прекрасный набор, чтобы испортить утро живым людям.

Старший медикатор посмотрел на Тимона.

— А это, полагаю, подмастерье, который ещё не знает, куда девать руки?

Тимон открыл рот.

— Он первый день работает, — пояснил я. — Пообвыкнется ещё.

Парнишка закрыл рот и вцепился в боковую рукоять каталки.

Старший медикатор улыбнулся.

— Отличное начало обучения. Когда ученик молчит и выполняет то, что ему велели делать — это хорошо. Думаю, вы далеко пойдёте, молодой человек. Империиум становится чуть устойчивее с каждым толковым молодым специалистом.

— Нам бы тело на стол, старший медикатор, — сказал я. — Имплант щёлкал на повороте.

— Мёртвые редко убегают, Кром, — улыбнулся он. — А живые наверху меня ждут. Трое с ожогами лёгких, один без ноги и двенадцать ещё основательно погрызенных сквигами. Они

всё ещё могут обидеться, если я задержусь. Поэтому сначала я пойму, из-за чего вы отнимаете у них врача.

Он протянул руку.

— Бирку...

Я снял бирку с крючка у края каталки и подал ему. Медикатор взял её двумя пальцами, как берут вещь грязную, важную и чужую. Поднёс к лампе над дверью, провёл большим пальцем по краю, где стояла моя санитарная отметка, потом повернул бирку к печати третьего поста и квадрату медикае-службы.

Тимон не выдержал.

— Старший госпитальер же сказала вести вниз. Почему нас опять задерживают?

Медикатор не рассердился. Он даже улыбаться не перестал.

— Потому что старший госпитальер отправила тело к моей двери, юноша. Я решаю, открою эту дверь или нет, а если открою, то дальше и отвечать буду я.

— За мёртвого?

— За то, что вместе с мёртвым могут подвести к саркофагу что-то опасное. Иногда за мёртвых отвечать спокойнее, чем за живых вокруг него.

Тимон нахмурился.

— Но старший госпитальер уже поставила свою метку...

— Метка говорит, что она видела проблему. Моя печать скажет, что я взял эту проблему в крипту и не позволю утащить её обратно к обряду без проверки.

Сказал он и назидательно продолжил:

— В Империи двери открываются не от слов «мне сказали». Вы ведь это уже поняли, Кром?

— Начинаю привыкать, — согласно кивнул я.

— Вот и объясните это своему подмастерью.

Я украдкой показал Тимону кулак.

— Непременно, старший медикатор.

Он открыл свою книгу, вложил бирку связиста в металлическую рамку на обложке и нажал маленький фиксатор. На странице под пальцами медикатора загорелась узкая зелёная строка.

— Иллар Дорн, связист северного редута, — прочитал он. — Санитарная отметка санитаря Крома. Третий пост остановил. Старший госпитальер подтвердил. Четвёртый сигнал записан при свидетелях.

Он поднял на меня глаза.

— Всё верно?

Я кивнул.

— Вы первым не дали ему уйти под новый саван. Учёт или привычка портить церемонии? Казалось, что медикатор от души потешается.

— Любое дело требует учёта и контроля, — уклончиво ответил я.

— Хорошо. Учёт иногда живёт дольше смелости. Смелых потом везут на таких каталках, а учёт ещё может испортить всем и без того паршивый день.

— Много раненых? — поинтересовался я.

— Очень...

— Плохие новости с редутов? — спросил я, уже понимая, что ничего хорошего не услышу.

— Четырнадцатый редут опрокинули, тринадцатый держится, но там идут тяжёлые бои. К крепости уже идут больше двадцати обозов.

Тимон посмотрел на медикатора с осторожным уважением и невпопад поинтересовался:

— А вы правда получили запись через сервочереп?

— Конечно. Сервочерепы для того и нужны, чтобы плохие новости летали быстрее санитаров с каталками.

Медикатор щёлкнул пальцами.

Из-за его плеча вылетел сервочереп с медной пластиной на лбу. В одной глазнице горела линза, во второй торчал короткий вокс-излучатель. Он завис над книгой и вывел на пластине четыре строки:

ЧЕТВЁРТЫЙ СИГНАЛ
ПИТАНИЕ ОТКЛЮЧЕНО
ПРИКОСНОВЕНИЯ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ
ИСТОЧНИК СИГНАЛА НЕ ОПРЕДЕЛЁН

Медикатор прочитал их без удивления. Потом ещё раз посмотрел на связиста.

— Теперь есть причина тратить время на мёртвого, — заключил он.

— Нам сверху сказали, что леди-регент ждёт почётную партию, — сказал я.

— Леди-регент умеет ждать лучше, чем большинство раненых. Подождёт, — ответил медикатор. — К тому же вы больше не везёте почётную партию. Вы везёте тело, которое три поста уже успели сделать моей головной болью.

Он вернул бирку в металлическую рамку и посмотрел на меня с той же приятной улыбкой.

— Кром, вы же не хотите пустить техноересь к саркофагу Святой Вероники? Верно?

Я понимающе хмыкнул и промолчал.

На такой вопрос нельзя было ответить «хочу». Даже если очень устал, зол и уже готов тащить любого мертвеца хоть к самому трону Терры, лишь бы смена закончилась.

Тимон побледнел.

— Это точно техноересь?

— Нет. Это не точно, — пояснил медикатор. — Именно поэтому мы не молимся и не ждём покойника из огнемёта прямо у двери. Но это аномалия, и мы с ней разберёмся.

Он наклонился к Тимону чуть ближе и добавил чуть мягче:

— Мы всё всегда проверяем. Запомни, юноша. Не спеши с большими выводами, — назидательно заметил медикатор. — Сначала всё надо проверить под запись. Если это чудо, оно переживёт проверку и дождётся своего часа. Если ересь — тем более. Врагов Империи Человечества нужно изучать, понимать их природу, слабые места, а потом так же спокойно и изничтожать.

Тимон кивнул.

— Понял, старший медикатор.

— Не верю, но ценю твоё старание и прилежание. Это похвально.

Медикатор вынул из пенала маленькую печать с рукоятью из тёмной кости. На нижней стороне печати блеснул знак капли крови. Он положил бирку связиста на край столика у двери и поставил печать рядом с моей отметкой, печатью третьего поста и квадратом старшего госпиталя.

Сервитор у двери повернул голову. Латунный ключ в его зажиме дрогнул.

— Журнал пятого поста, — требовательно приказал медикатор.

Сервочереп опустился ниже. Из маленькой щели в его грудной пластине выдвинулась бумажная лента. Медикатор быстро записал: имя связиста, номер тела, время, моё имя, отметку третьего поста, запись четвёртого сигнала и свою печать.

Писал он быстро, ровно и без единого лишнего завитка. Почерк у него был такой, какой я любил видеть в медицинских актах. Пусть скучный, но разборчивый.

— Открываем крипту, — сказал он. — Тело на первый стол. Кром, подойдите. Подмастерье, встань у стены, руками ничего не трогай. Сервитор — журнал и замок.

Сервитор вставил латунный ключ в гнездо, повернул на четверть оборота и дождался, пока медикатор положит ладонь на красную пластину. Пластина мигнула один раз. Где-то за дверью щёлкнул тяжёлый запор.

Створка ушла внутрь. Тимон посмотрел в открытую дверь.

— А мы теперь тоже остаёмся? — спросил Тимон. — Мы же довели...

Медикатор улыбнулся:

— До конца проверки вы останетесь здесь. Отпущу я вас после проверки или нет, зависит от того, что мы найдём. Если найдём ошибку прибора, связист вернётся к красивому савану. Если найдём техноересь, красивый обряд у саркофага Святой Вероники будет меньшей из наших проблем.

— А если вы обнаружите чудо? — спросил Тимон.

Медикатор посмотрел на него с живым интересом.

— Тогда я первым упаду на колени и буду истово просить прощения у Святой Вероники. Но сначала всё равно запишу время, показания прибора и фамилии свидетелей. Чудо без протокольной записи... Какой в этом вообще толк?

Я толкнул каталку через порог.

Колёса мягко вошли в направляющие внутри крипты. Свет под сетчатыми лампами падал на первый холодный стол. Поверхность стола была чистой, матовой, с желобом для стока и четырьмя зажимами по краям. словно здесь не мёртвых вскрывали, а оперировали буйнопомешанных. Рядом стоял пульт записи, три закрытых шкафа с инструментами и медный таз с тёмным дезраствором. Пятый пост совсем не впечатлял.

Медикатор прошёл к столу, проверил зажимы, провёл ладонью над поверхностью и кивнул.

— Связиста сюда. Без молитв начнём. Если Бог-Император захочет помочь, Он не обидится.

Я взялся за боковую рукоять каталки.

— Тимон, держи ровно. На счёт три подаём тело на стол.

— Понял.

— Раз.

Медикатор уже раскрыл журнал пятого поста.

— Два.

Сервитор поднял металлические руки над зажимами.

— Три.

Мы подвели мёртвого связиста к холодному столу. И я успокоился. Потому что тело наконец перестало быть частью почётной церемонии. Его имя, бирка, горловой имплант и все эти проклятые щелчки лежали перед человеком, который не собирался называть проблему милостью раньше времени. И это было, пожалуй, хорошо.

— Подмастерье, если захочешь помочь, сначала спроси позволения.

Тимон отступил к стене, но всё равно вытянул шею, чтобы всё видеть лучше.

— А если я позабуду спросить, старший медикатор?

— О! — он рассмеялся, но даже не посмотрел на него. — Тогда узнаешь, как быстро санитар становится пациентом.

Тимон сразу прижал руки к бокам.

Мы переложили Иллара Дорна на холодный стол. Сервитор подал металлические зажимы, медикатор проверил их и велел мне держать плечо связиста, пока он фиксировал голову. Голова лежала ровно. Шейная пластина оставалась открытой. Белая ткань, которой

старший госпитальер накрыла горло, уже промокла по краю от старой крови, смешанной с дезраствором.

— Сначала скучное... — сказал медикатор. — Подмастерье, вижу, что тебя разрывает от любопытства. Дозволяю задавать вопросы.

— Спасибо. Скучное? — переспросил Тимон.

— Скучное спасает живых чаще, чем героическое. Спрятанный передатчик, остаточное питание, сломанный контакт, чужой прибор в кармане. Всё это скучно. Всё это надо исключить, прежде чем вы начнёте шептать слова, за которые могут сжечь из огнёмёта.

— Я не шептал, — сказал Тимон.

— Но ты собирался, подмастерье?

Тимон вопросительно посмотрел на меня.

— Не спорь, — сказал я. — Он угадал.

Медикатор улыбнулся и включил запись с пульта. Над столом зажглась узкая лампа, концентрированный свет ударил сверху и осветил мёртвое тело связиста. На стене щёлкнул считыватель. Сервитор вытянул манипулятор с тонким щупом.

— Температура тела, — сказал медикатор.

Сервитор коснулся щупом груди связиста, потом шеи возле пластины. На табличке пульта появилась строка:

**ТЕМПЕРАТУРА ТКАНЕЙ НИЖЕ РАБОЧЕЙ
ТЕПЛОВОЕ ПИТАНИЕ ИМПЛАНТА НЕВОЗМОЖНО**

Медикатор кивнул, будто строка была обычной отметкой о смене простыни.

— Ремни, рукава, карманы.

Сервитор поднял правую руку связиста. Я помог перевернуть рукав. Внутри была только серая подкладка, затёкшая кровью у локтя. Левый рукав — пусто. Нагрудный карман — кусок мокрой ткани, сломанная молитвенная пластинка и свёрнутый бумажный пропуск на северный редут. Медикатор развернул пропуск, посмотрел, вернул на поднос.

— Передатчика нет, — заключил он.

— Может, в шейной пластине? — спросил Тимон.

— Хороший вопрос, — сказал медикатор. — Наконец-то полезный.

Тимон растерялся от похвалы сильнее, чем от моих упреков. Медикатор подал мне знак держать голову. Сервитор подвёл щуп к гнезду под челюстью. Тонкий провод вошёл в разъём, на пульте замигали две зелёные точки, потом одна красная.

**ВНУТРЕННИЙ ЗАРЯД: НОЛЬ
ВНЕШНЕЕ ПИТАНИЕ: НЕ ОБНАРУЖЕНО
ПОСТОРОННИЕ УСТРОЙСТВА В ПЛАСТИНЕ: НЕ ОБНАРУЖЕНЫ**

— Теперь можно сказать страшное слово? — тихо спросил Тимон.

Медикатор посмотрел на него поверх пульта.

— Можно, юноша. Только оно ничего не даст.

— Почему?

— Потому что страшное слово не подскажет нам, откуда пришёл сигнал.

— А прибор подскажет?

— Если Бог-Император сегодня благосклонен к людям с грязными руками, то обязательно подскажет.

Он снял щуп, протёр его тряпкой с дезраствором и положил на металлический лоток. От лотка тянуло спиртовой резкостью, знакомой и почти родной. В нашей работе приятных

запахов было немного. Дезрастор хотя бы означал, что кто-то ещё пытается поддерживать порядок.

— Кром, — сказал медикатор. — Возьмите стол за переднюю рукоять.

Я посмотрел на него.

— Стол двигать?

— Именно. Подмастерье, к противоположному краю. Не толкать. Только страховать, чтобы тело не упало.

— А куда двигаем? — спросил я.

Медикатор указал на стену крипты. Там, между двумя шкафами с инструментами, в рок-крите шла узкая бронзовая полоса. Она уходила в стену и исчезала за плитой с маленькой аквилой и знаком капли крови. На первый взгляд — просто старая направляющая или крепёж для оборудования.

— Сначала подальше от этой стены, — сказал он.

Мы отодвинули стол на три шага назад, ближе к двери. Колёса прошли по коротким пазам в полу и упёрлись в ограничители. Сервитор снова подключил щуп к импланту.

Тишина.

На пульте горели ровные строки. Питание ноль. Заряд ноль. Сигналов нет.

— Записал? — спросил медикатор.

Сервочереп над столом щёлкнул линзой.

— ЗАПИСЬ ПРОИЗВЕДЕНА.

— Теперь к стене.

Мы подали стол вперёд.

Первый шаг — ничего.

Второй — на пульте дрогнула зелёная линия.

На третьем, когда передний край стола поравнялся с бронзовой полосой в полу, горловой имплант щёлкнул.

Тимон вздрогнул, но руки от стола не убрал. На пульте появилась строка:

ПЯТЫЙ СИГНАЛ

ПИТАНИЕ ОТКЛЮЧЕНО

ВНЕШНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ

РАССТОЯНИЕ ДО ВНУТРЕННЕЙ ЛИНИИ: ДВА ЛОКТЯ

Медикатор не сказал ни слова. Он поднял ладонь, и мы остановились.

— Назад...

Мы откатали стол к двери. Сервитор держал щуп в гнезде. Линия на пульте выровнялась. Имплант молчал.

— Снова вперёд.

Мы подвели стол к бронзовой полосе.

Имплант щёлкнул второй раз.

Тимон уже не спрашивал. Он смотрел на пульт, на стену и на мёртвое горло связиста. В первый раз за всю смену его лицо было не просто испуганным, а сосредоточенным.

— Это из-за саркофага? — спросил он.

Медикатор отключил щуп и повернулся к нему.

— Это от стены, за которой идёт старая линия к залу саркофага. Разница важная.

— Почему?

— За первое тебя поставят на колени и велют молиться, пока язык не онемееет. За второе я могу записать расстояние, время и показания прибора. Разница, как видишь, большая.

Тимон кивнул, но по лицу было видно, что разница ему пока не по возрасту.

— То есть саркофаг? — упрямо повторил он.

Медикатор посмотрел на меня.

— Какой у вас настойчивый ученик, Кром.

— Молодой, любознательный, — сказал я. — У них это часто вместо мозгов, старший медикатор.

— Тогда объясните ему разницу, Кром, а я послушаю.

Я положил ладонь на край холодного стола.

— Мы знаем, что сигнал повторяется у этой стены. Мы не знаем, кто или что его посылает на обесточенный имплант. Если скажешь «саркофаг», тебе придётся доказывать, что это саркофаг или сама Святая Вероника, но к святости сложно приблизиться, Тимон. Понимаешь? Насколько мне известно, ещё ни у кого не вышло измерить её линейкой или взвесить на весах. Если скажешь «линия за стеной», надо доказать только линию за стеной. Второе попроще. Поэтому начинаем со второго.

Тимон кивнул и помолчал.

— А если потом всё равно окажется первое?

— Тогда мы будем знать это наверняка.

Медикатор коротко рассмеялся.

— Грубовато, Кром. Но для санитара весьма неплохо.

Он сделал запись в журнале, потом вынул из нижнего ящика три старые карточки на металлическом кольце. Карточки были плотные, серые, с красными закладками. На каждой стоял знак Печати Крови и номер тела.

— Вы не удивились, — заметил я.

— Я работаю на пятом poste чуть больше девяноста лет. Здесь удивление быстро проходит. Остаются только карточки.

— Такое что? Уже случалось?

Старший медикатор сосредоточенно перебирал карточки и молчал. Это длилось достаточно долго, но потом всё же он ответил.

— Похожие случаи уже были.

Тимон шагнул ближе, но медикатор поднял палец.

— Смотреть и задавать вопросы можно, а руками трогать ничего нельзя.

Тимон остановился.

Медикатор положил первую карточку на край стола.

— Первый. Пенитентный надзиратель, три года назад. После саркофажного обряда вернулся на кремацию с полностью разряженным шейным узлом.

Он положил вторую.

— Второй. Офицер крепостной стражи, прошлой зимой. Память пластины чистая. Не повреждена, не выжжена, не снята. Просто пустая.

Третья карточка легла рядом.

— Третий. Связист малой башни. До обряда слабая остаточная реакция импланта. После обряда — ноль. В акте церемониймейстера написали: «полное посмертное умиротворение».

— А вы что написали? — спросил я.

— «После обряда активность отсутствует». Я стараюсь писать так, чтобы потом сам себя понял.

Тимон посмотрел на карточки.

— Почему об этом никто не знает?

Медикатор аккуратно сложил карточки в ряд, чтобы края совпадали.

— Почему не знают? Знают. Но наверху больше любят слова «умиротворение», «благодарить», «принятие святыней» и «благодать».

— Значит, саркофаг...

— Я не произнёс слова «значит», подмастерье, — перебил Тимона медикатор. — Я сказал, что «вижу разницу». Это немного разные понятия.

Он посмотрел на связиста, и улыбка с его лица ушла.

— Я не знаю, что именно делает саркофаг и делает ли это саркофаг, что-то ещё или сама Святая Вероника.

Тимон сглотнул.

— А если это ЕЁ милость?

Вопрос вышел тихий, но не прозвучал глупо или поспешно. После Аврелии, после Артеля Восса, после белой перчатки и спокойной смерти он должен был спросить именно это. Если бы не спросил, значит, он вообще ничего не понял.

— Если саркофаг забирает боль, — продолжил Тимон, уже смелее, — разве это плохо? Мёртвому же уже не больно.

Я хотел осадить Тимона, но медикатор поднял ладонь. Он не дал мне заткнуть его грубостью.

— Очень хороший вопрос, юноша, — похвалил он.

Тимон удивился.

— Правда?

— О, да. Редко, но случается со всеми.

Медикатор взял чистую ткань и протёр край шейной пластины у связиста. Делал он это осторожно, без лишнего нажима.

— Если это милость, она переживёт и стол, и прибор, и протокольную запись. Милость Бога-Императора или нашей Святой не развалится и не прокиснет от того, что один старый медикатор посмотрит на неё через считыватель.

— А если развалится? — спросил Тимон.

— Тогда это точно никакая не милость и не чудо, юноша.

Я посмотрел на тело связиста.

— Когда у тела что-то забирают, я называю это не милостью, а воровством.

Медикатор повернул ко мне голову.

— Вот теперь вы сказали грубо, но очень точно.

Тимон перевёл взгляд с меня на него.

— А если свидетели есть?

— Тогда это уже работа, за которую кто-то должен ответить, — сказал медикатор. — И лучше, если для разнообразия ответит кто-нибудь живой.

Сервочереп у двери внезапно щёлкнул. Линза в его глазнице мигнула жёлтым. Медикатор поднял голову.

— Вот вспомнили, что мы существуем...

Сервочереп произнёс сухим голосом без возраста:

— СООБЩЕНИЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ. ЗАДЕРЖАННОЕ ТЕЛО СВЯЗИСТА ИЛЛАРА ДОРНА ВЕРНУТЬ В ЗАЛ ПОДГОТОВКИ ПОСЛЕ ПЕРВИЧНОГО ОСМОТРА. ПОЧЁТНЫЙ ОБРЯД ОЖИДАЕТ ЗАВЕРШЕНИЯ ПАРТИИ.

Тимон посмотрел на меня. Я посмотрел на старшего медикатора крепости, а он взял карточки, вернул их на кольцо и закрыл ящик стола.

— Первичный осмотр не закончен, — сказал он.

Сервочереп повторил:

— ПОЧЁТНЫЙ ОБРЯД ОЖИДАЕТ ЗАВЕРШЕНИЯ ПАРТИИ.

— Обряд подождёт окончания первичного осмотра.

— ТРЕБУЕТСЯ УКАЗАНИЕ ПРИЧИНЫ ЗАДЕРЖКИ.

Медикатор подошёл к сервочерепу, нажал пальцем на медную пластину у него на лбу и продиктовал почти весело:

— Пятый пост подтверждает задержку тела Иллара Дорна. Горловой имплант срабатывает без питания. Сигнал повторяется у внутренней линии. До завершения проверки тело из крипты не выпускать.

Сервочереп щёлкнул.

— ЗАПИСАНО.

— И добавь, — сказал медикатор. — Кто хочет забрать связиста к саркофагу, пусть спустится сюда, посмотрит запись пятого сигнала и поставит свою подпись рядом с моей.

Сервочереп завис на месте.

— ДОБАВИТЬ В СООБЩЕНИЕ?

— Добавить.

— ФОРМУЛИРОВКА МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНА НЕБЛАГОЧЕСТИВОЙ.

Медикатор улыбнулся.

— Тогда напиши: «Личное присутствие ответственного лица обязательно». Смысл тот же, хвостов меньше.

Сервочереп щёлкнул ещё раз и вылетел из крипты.

Тимон выдохнул.

— Вы и так можете?

— Что именно, юноша?

— Отказать обряду. Это... это...

— Я и не отказал обряду. Я сказал, что тело не готово.

— Занято? — Тимон посмотрел на мёртвого.

— Проверкой, юноша. Мёртвые редко бывают заняты, но ваш связист сегодня старается изо всех сил.

Я услышал тихий щелчок раньше, чем пульт выдал строку.

Все замолчали.

Медикатор поднял руку, не позволяя никому двигаться. Сервитор застыл с манипулятором над столом. Тимон прижался к стене всем телом.

Горловая мембрана под открытой пластиной дрогнула.

На этот раз звук был не таким, как раньше. Не сухой одиночный щелчок, а короткая дрожь, будто мёртвое горло пыталось вспомнить, как выпускают воздух.

Пульт записи мигнул красным.

РЕЧЕВОЙ СЛОЙ ОБНАРУЖЕН
ПИТАНИЕ ОТКЛЮЧЕНО
ИСТОЧНИК СИГНАЛА НЕ ОПРЕДЕЛЁН

Из горла связиста вышел хрип.

Я не сразу понял, что это не просто шум. Сначала был скрежет, потом мокрый провал, потом два рваных слога, сдавленных так, будто их тащили через сломанную мембрану.

— ...не вес...

Пульт дёрнул линию записи.

Медикатор резко наклонился к прибору.

— Тихо.

Горло связиста хрипнуло снова.

— ...не ве... сти...

Тимон посерел лицом так, что стал мало отличим от рокритовой стены.

— Он сказал...

— Прибор записал речевой обрывок, — отрезал медикатор. — Не путай.

Но голос у него стал другим. Улыбки больше не было.

На пульте появилась новая строка:

РЕЧЕВОЙ ФРАГМЕНТ: «...НЕ ВЕСТИ...»
ДОСТОВЕРНОСТЬ РАСПОЗНАВАНИЯ: НИЗКАЯ
ТРЕБУЕТСЯ ПОВТОРНАЯ ЗАПИСЬ

Медикатор медленно выпрямился.

— Вот теперь, Кром, у нас не просто щелчки.

— У нас мёртвый связист, который просит его не вести, — сказал Тимон.

— У нас прибор, который записал речевой фрагмент, — поправил медикатор. — Но да. Для четырнадцати лет ты достаточно близко попал в определение.

Я смотрел на открытую шейную пластину и красную строку на пульте и не мог поверить, что это была запись. Но кто или что её могло послать? В Бога-Императора я верил, возможно, даже более истово, чем некоторые капелланы, но вот в то, что Бог-Император найдёт время на нас грешных, — не очень.

Наверху певчие сервиторы могли сколько угодно петь благостными голосами о милости. Церемониймейстер мог ждать завершения партии. Леди-регент могла говорить таким голосом, что умирающий человек переставал дёргаться и уходил спокойно.

Но здесь, в малой санитарной крипте, у нас было тело Иллара Дорна, запись прибора и обрывок записи, на которой мы обнаружили слова «не вести».

— Старший медикатор, — обратился я. — После такого мы же к саркофагу тело не повезём?

— Нет, Кром, — ответил он. — После такого мы сначала узнаем, кто говорит через имплант мёртвого.

Тимон тихо спросил:

— А если он повторит?

Медикатор посмотрел на пульт, потом на меня.

— Тогда запишем. Ещё раз, ещё раз и столько раз, сколько понадобится. Чудо, ересь, пророчество, предвестие или чужая грязная работа, мы это выясним и найдём источник. Уже после решим, что нам с этим делать и делать ли что-то вообще.

Это было немного, но я остался доволен решением старшего медикатора разобраться в ситуации.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Медикатор не дал нам долго пялиться на пульт.

— Дверь закрыть. Запись не стирать. Стол не двигать.

Сервитор у входа повернул голову к красной пластине допуска, вставил латунный ключ в гнездо и провернул его до упора. За створкой щёлкнул тяжёлый запор. Обычный звук, без литаний и постно-торжественных рож. И мне он понравился. После такого щелчка связиста уже не увезёшь наверх по первому требованию.

Тимон смотрел на горло Иллара Дорна так, будто ждал, что мёртвый сейчас опять начнёт говорить.

— Это он сказал?

Медикатор снял пальцы с края пульта.

— Прибор записал речевой обрывок.

— Но слова были... И мы все их слышали. И поняли...

— Были.

— Значит, он говорил?

Медикатор снял с катушки тонкую ленту записи, положил её на металлическую подставку и только потом повернулся к Тимону.

— Если ты сейчас скажешь «это голос связиста», тебе станет спокойнее. Минут на пять. Потом сверху придёт человек с толстой цепью и объяснит, что у тебя уши от страха слышали сквозняк. А вот если в протоколе будет «прибор записал речевой обрывок», ему придётся спорить не с тобой, а с лентой. С лентой спорить уже сложнее. Она не краснеет, не путается и не хочет жить.

Тимон уже набрал воздух для возражения, но глянул на пульт и проглотил слова.

— Вот, — сказал я. — Начинаешь приносить пользу.

— Я просто пытаюсь понять.

— Потом поймёшь. Сейчас стой, не трогай стол и запоминай, что видел.

Медикатор кивнул.

— Кром прав. Свидетель, который сразу всё понял, обычно приносит в протокол половину собственного испуга. А свидетель, который честно испугался и молчал, иногда ещё годится в дело.

Тимон прижал руки к бокам. Мальчишка понял хотя бы, что рядом со столом лучше не махать конечностями.

Медикатор открыл шкаф, достал плоскую вокс-пластину в свинцовой оправе и осмотрел край. Пластина была с ладонь, с пустым полем под служебную метку и старой молитвенной царапиной сбоку. Он вставил её в приёмник, нажал две клавиши. Красная строка на экране мигнула.

КОПИРОВАНИЕ ЗАПИСИ

РЕЧЕВОЙ ФРАГМЕНТ: «...НЕ ВЕСТИ...»

ПИТАНИЕ ИМПЛАНТА: ОТКЛЮЧЕНО

ИСТОЧНИК СИГНАЛА: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

— Что теперь? — спросил я.

— Теперь сделаем так, чтобы эту запись не потеряли по случайности, благочестию или прямому приказу того, кто умеет говорить мягко и складно.

— Леди-регент? — спросил Тимон почти без звука.

Медикатор даже не повернул головы.

— Я сказал «человек, который умеет говорить мягко». Остальное ты добавил сам по своей инициативе.

Тимон покраснел и уставился в пол. Я просто промолчал, не собираясь помогать ученику. Пусть лучше пораньше поймёт, что не все мысли следует озвучивать вслух.

Медикатор достал вторую пластину, положил рядом с первой и повторил копирование. Потом сверил метки, одну пластину убрал в маленький свинцовый пенал, вторую оставил у пульта.

— Пенал останется в крипте. Вторая пластина уйдёт с вызовом к нижним механизмам.

— Капеллана не позовём? — спросил Тимон.

Медикатор посмотрел на него так, будто мальчишка только что предложил тушить пожар кадилом.

— Зачем капеллан?

— Ну... так... если это чудо, то это по его части...

— Если мне понадобится молитва, я позову капеллана. Сейчас мне нужен специалист, который вскрыет стенную панель, прозвонит бронзовую линию и скажет, почему горловой имплант без питания выдал голосовой обрывок.

Тимон посмотрел на бронзовую полосу в полу. Полоса уходила от стола к стене и исчезала под плитой роккрита.

— Техножрец?

— Дежурный техножрец нижних механизмов, — поправил медикатор. — Не храмовый певец, и не церемониймейстер при цепях, и не умник с кадилом. Нам нужен человек с инструментом, допуском к старым каналам и таким характером, чтобы он послал ждать у двери даже инквизитора, пока сам смотрит показания.

— Есть у вас такой на примете? — спросил я.

— Есть. Сегодня дежурит техножрец Марса Ферр Вольт. Неприятный, как ожог дезрас-твором, зато старые линии знает лучше всех живых в этой крепости. Возможно, лучше многих мёртвых тоже.

— Зовём?

— Уже зовём...

Медикатор щёлкнул пальцами. Малый сервочереп, до этого зависший у шкафа, подлетел к столу и повернул оптическую линзу к свинцовому пеналу.

— Вызов нижним механизмам. Дежурному техножрецу Ферру Вольту. Тело связиста Иллара Дорна. Горловой имплант без питания. Повторный сигнал у внутренней линии. Речевой фрагмент записан. Нужна проверка старой линии к залу саркофага.

Сервочереп щёлкнул клювом динамика.

— ЗАПИСАНО.

— Инструменты для вскрытия панели. Считыватель старого сигнала. И нормальное настроение, если у него за смену вдруг случилось повреждение личности.

— ЗАПИСАНО.

— Последнее сотри. Вольт обидится, что я счёл это возможным.

Сервочереп снова щёлкнул.

— ЗАПИСЬ ИСПРАВЛЕНА.

— Передать лично техножрецу. Церемониймейстера сюда не вести.

Сервочереп ушёл через боковой канал у двери. Створка за ним закрылась с сухим металлическим щелчком.

Тимон проводил его взглядом.

— А если сверху всё равно пришлют церемониймейстера?

— Пришлют... — невесело согласился я.

— Разумеется, пришлют, — подтвердил медикатор. — У них тело должно прийти по расписанию.

— И что тогда будет?

Медикатор взял чистую тряпку и не спеша вытер пальцы. Каждый палец по отдельности.

— Тогда я покажу ему копию записи. Если он не поймёт, покажу вторую. Если и после этого захочет забрать тело, дам ему бланк под личную подпись.

— И он подпишет? — спросил Тимон.

— Если подпишет, я впервые за долгие годы увижу настоящую храбрость в церемониальной службе.

— Почему он испугается подписать?

— Потому что ему придётся объяснить клятвенному кругу, зачем он повёл к саркофагу живой Святой тело, которое может представлять ей опасность.

Тимон замешкался, но снова спросил:

— Раз уж вы сами разрешили мне задавать вопросы, я ещё спрошу. А если он и правда просил оставить его здесь?

Я посмотрел на лицо связиста. Холодная лампа резала его скулы, шейная пластина давала тень под подбородком. С мёртвыми так бывает: слишком долго смотришь, и мозг начинает подсовывать жизнь.

— Тогда мы пока всё делаем правильно, — заметил я. — Никуда его не везём. Мёртвых нужно уважать.

— Но медикатор сказал, что это может быть не он.

— Медикатор сказал, что прибор записал речевой обрывок. Для санитарной работы этого хватает. Каталка на тормозе, тело на столе, транспортировка прекращена до полной проверки.

Медикатор поднял палец.

— Уже лучше. И без подзатыльника.

— Я бы не списывал подзатыльник со счетов, — сказал я. — Инструмент проверенный и не раз опробованный.

— Оставь для тяжёлых случаев, Кром. Мне очень твой парнишка нравится. Любопытный, настойчивый, нахальный. Думаю, далеко пойдёт, если не загребует на редуты.

Тимон посмотрел на меня с подозрением.

Я кивнул.

— Да. Это про тебя.

— Всех так учили, — сказал медикатор. — Меня тоже.

— И как? Помогло? — спросил Тимон.

— Нет. Но привычка осталась.

Тимон замолчал. Он смотрел уже не на нас, а на ленту у пульта. Потом перевёл взгляд на горло Иллара Дорна и сам отвёл глаза. Видимо, до него всё-таки дошло, что мёртвый на столе не самое главное. Главное теперь доказательство на бумаге.

Медикатор взял вторую ленту, поставил печать пятого поста и не сразу отдал её мне. Сначала открыл журнал, вписал номер копии, время, моё имя и только после этого протянул ленту.

— Это тебе на хранение, Кром.

— Почему мне? — удивился я.

— Потому что ты уже в деле...

— С какого такого счастья? — уточнил я, хотя знал, что ответ мне не понравится.

— С момента, как привёз тело и слышал обрывок. Не спорь, Кром. Со мной это не помогает.

Я взял ленту за край. Бумага была тёплая от самописца. Чернила на служебной строке ещё чуть блестели.

РЕЧЕВОЙ ФРАГМЕНТ: «...НЕ ВЕСТИ...»

Я посмотрел на запись и почти сразу отвернулся.

— Куда её?

— Туда, где у тебя лежит всё остальное, что ты не хочешь сдавать без расписки.

Я прижал локоть к левому боку раньше, чем успел подумать.

Медикатор заметил и усмехнулся.

— Вот в пенал и убери.

— Какой пенал? — спросил Тимон.

— Рабочий, — сказал я.

— Очень рабочий, — подтвердил медикатор. — Особенно когда в нём лежит чужой стимм и нет лишних свидетелей.

Тимон уставился на меня.

— У тебя всё ещё боевой стимм?

— Ленту убираю, — сказал я. — А ты не ори, не дорос ещё...

— Ты же обещал сдать!

— Под расписку, — напомнил я. — Я обещал сдать под расписку. Это две разные религии.

— Нас за это...

— Сначала пусть найдут. Потом прочитают ведомость. Потом поймут, что в ведомости написано.

Я убрал ленту в пенал. Она легла рядом с холодной ампулой Пентакоста-9, чистыми бирками и моей старой молитвенной пластинкой.

Медикатор коротко усмехнулся.

— За это я тебя и ценю. Не за ум. Ума после третьей кружки масека у каждого хватает. А вот помнить, что вещь без записи быстро становится чужой вещью, умеют не все.

У двери щёлкнул сервитор. Его голова повернулась к выходному каналу. Вокс-решётка над красной пластиной допуска хрипнула и выдала короткий сигнал ожидания.

Медикатор посмотрел туда без удивления.

— Проснулись...

Сервитор щёлкнул реле.

— ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ СЛУЖБА ЗАПРАШИВАЕТ ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТЕЛА ИЛЛАРА ДОРНА.

Тимон напрягся. Медикатор подошёл к вокс-решётке.

— Ответ пятого поста. Время возвращения неизвестно. Проверка продолжается. Пятая печать закрыта.

— ЗАПИСАНО.

— Добавить: вызван дежурный техножрец нижних механизмов. До прибытия Ферра Вольта тело не выдавать, подготовку к церемонии не начинать, повторные запросы церемониальной службы ставить в очередь.

Сервитор помолчал. В груди у него дважды щёлкнуло реле.

— ЗАПИСАНО.

— И если они хотят быстрее, пусть пришлют человека с правом забрать тело под личную ответственность.

— ЗАПИСАНО.

— Вот так лучше, — сказал медикатор и вернулся к столу. — Без шуток они понимают медленнее, зато потом не спорят.

Я спросил:

— А если всё-таки пришлют такого человека?

— Тогда он получит бланк.

— И тело?

— После подписи, сверки печати, внесения в журнал и моего отдельного комментария о том, что тело выдано вопреки записи речевого фрагмента.

— Комментарий им не понравится.

— Мне тоже много что не нравится, Кром. Например, мёртвые связисты с отключённым имплантом, которые говорят через старую линию, которая, в общем-то, не для связи предназначена.

Тимон открыл рот.

Я поднял палец.

— Нет.

— Но я ещё ничего не спросил...

— Уже видно, что собирался.

— А если отчёт...

— Особенно, если отчёт.

Медикатор на этот раз не улыбнулся. Он посмотрел на пульт, на шейную пластину Иллара Дорна и на бронзовую полосу в полу.

— Тело не двигать. Имплант не отсоединять. Внутреннюю линию не трогать. Любой новый сигнал писать на основную ленту и на запасную пластину. Если появится второй речевой обрывок, вы оба молчите и не дышите, пока он не закончится. Потом зовёте меня, даже если я стою рядом.

Тимон сглотнул.

— А если он скажет что-то понятное?

— Тогда особенно молчите... Орки опрокинули Четырнадцатый и дошли до Тринадцатого. Нам в тылу только обвинений в техноереси или припадка религиозного рвения не хватало. Зовёте меня, я решу, как быть дальше и что со всем этим делать.

Сверху, через роккрит и закрытую дверь, дошёл глухой напев певчих сервиторов. Слов было не разобрать. Только ровный металлический гул, как будто где-то далеко кто-то тянул литанию через длинные железные трубы.

У нашего стола важнее был другой звук. Пульт шуршал лентой. Катушка делала короткий рывок, останавливалась и снова ползла. Из горлового импланта Иллара Дорна не шло ни звука.

И я понял, что смена окончательно пошла в задницу.

Ферр Вольт пришёл быстрее, чем я успел придумать, что делать, если сверху всё-таки пришлют церемониймейстера или кого-нибудь ещё с правом забрать тело. Ссориться с сильными мира сего категорически не хотелось, но закрыть глаза на происходящее я не хотел. Да и не мог.

Сначала в боковом канале у двери щёлкнула створка. Потом из узкой щели выехал низкий инструментальный сервитор на четырёх гусеницах, с ящиком инструментов на спине и лампой под защитной сеткой. За ним вошёл техножрец в тёмно-красной рясе Механикус. Капюшон закрывал верх лица, но было видно, что под ним горят две разные линзы. Левая зелёная и правая жёлтая. От раскрытого инструментального ящика потянуло озоном от разряженного шупа, горячей изоляцией и машинной смазкой.

Речевой синтезатор у Ферра Вольта висел на горле, но работал так, будто его собирали для бинарного скрежета, а нормальную человеческую речь прикрутили потом, из сострадания к мирянам. Слова выходили ровными кусками, окончания иногда проваливались в щелчки. Когда он помянул Омниссию, синтезатор выдал что-то среднее между молитвой и поломкой замка.

— Ом-нис-си-я сохрани мои разьёмы от мирян, — сказал Ферр Вольт и сразу посмотрел не на мёртвого связиста, а на бронзовую полосу в полу. — Кто двигал стол к линии?

Медикатор поднял руку.

— Я велел...

— Мирянин решил подтвердить зависимость сигнала от расстояния?

— Мирянин увидел, что горловой имплант без питания щёлкает возле этой линии. Потом прибор записал речевой фрагмент.

Ферр повернул к нему жёлтую линзу.

— Мирянин-медикатор сделал правильно. Неожиданно. Запись. Так не должно быть. Необычно.

Медикатор без обиды протянул ему вокс-пластину.

Ферр не взял её рукой. Из-под рукава рясы вышел тонкий механодендрит, зажал пластину двумя латунными пальцами и вставил в считыватель на груди техножреца. Внутри рясы что-то пискнуло, потом синтезатор выдал короткую пачку бинарного треска.

— Речевой фрагмент «не вести», — сказал Ферр. — Питание импланта отключено. Источник сигнала не определён. Достоверность распознавания низкая. Миряне услышали страшные слова и не начали молиться. День Ферр Вольта уже лучше среднего.

Тимон слотнул.

— Вы верите записи?

Ферр повернулся к нему всем корпусом.

— Вера у меня для Омниссии, малый мирянин. Для записи у меня считыватель. Считыватель говорит, что запись есть.

— А что она значит?

— Пока ничего. Значение приходит после проверки. Иногда после вскрытия. Иногда после смерти того, кто мешал проверять.

Тимон сразу посмотрел на меня.

— Не мешай, — сказал я. — Пока живой.

— Мудрый санитар-мирянин, — одобрил Ферр. — Редкий вид. Нужно занести в каталог до вымирания.

Медикатор коротко кашлянул, но я готов был поклясться, что он скрывает смех.

Ферр подошёл к бронзовой полосе в полу. Его инструментальный сервитор подкатился следом, поднял лампу и осветил стенную панель между двумя шкафами. На панели стояли старая свинцовая пломба, следы поздней пайки и маленькая аквила, поцарапанная на левом крыле.

— Кто вскрывал панель после последнего освящения?

— При мне никто, — сказал медикатор.

— Хорошо. Значит, если внутри всё плохо, виноваты мёртвые или предки. Так даже удобнее. Они не спорят.

Ферр достал магнитный ключ, приложил к пломбе и выдал короткую фразу на бинарном. Пломба щёлкнула. Сервитор подал тонкую отвёртку. Техножрец выкрутил три винта, снял панель и передал её сервитору.

За панелью оказался не кабель вокс-связи и не молитвенный контур. В роккрите шёл узкий стальной желоб с двумя потемневшими направляющими и старым зубчатым счётчиком у края. Выше уходили тонкие бронзовые жилы, явно припаянные позже. На одной из них висела новая метка с красной каплей пятого поста, на другой — маленький знак Механикус.

Ферр посветил внутрь и довольно хмыкнул вокабулятором. Звук получился такой, будто кто-то провёл напильником по пустой трубе.

— Это канал подачи болтерных боеприпасов. Стационарное гнездо. Северный сектор. Старый тяжёлый болтер, непрерывная подача боеприпасов из погреба.

Тимон вытянул шею.

— Здесь был автоматический болтер?

— Турель стационарного болтера, малый мирянин. Болтер — наверху. Боеприпасы — в погребе. Эта линия считала и подавала их в гнездо. Не нужно тратить время на перезарядку. Очень удобно. Можно убить намного больше ксеносов и еретиков. Если объяснить совсем для юных санитаров: железная кишка для болтерных снарядов.

— А сейчас?

Ферр ткнул щупом в припаянные бронзовые жилы.

— Потом миряне решили, что старый канал простаивает. Миряне не любят простаивающие механизмы. Это почти разумно, поэтому опасно.

Медикатор подошёл ближе.

— Когда переделали?

Ферр подключил считыватель к старому зубчатому счётчику. На его нагрудной пластине вспыхнули строки. Он прочитал их, щёлкая синтезатором на стыках слов.

— Демонтаж болтерного гнезда: семьсот девяносто третий год сорокового тысячелетия. Причина: обрушение верхнего каземата после орочьего попадания. Канал подачи оставлен в стене. Переподключение: восемьсот одиннадцатый год сорокового тысячелетия. Назначение после переделки: питание нижних уровней, синхронизация контура питания старого саркофага Святой Вероники, снятие остаточных показаний, контроль погребных счётчиков. Не речь. Не вокс. Не командная линия.

Он повернул голову к Тимону.

— Повтори, малый мирянин.

Тимон растерялся.

— Что повторить?

— Главное.

— Что это... не речь? Не линия связи?

— Уже лучше. Продолжай ещё говорить.

— Это не вокс и не линия командного управления.

— Омниссия почти улыбнулась бы, если бы занималась такими растратами. И последнее.

Тимон с живым интересом посмотрел на открытый желоб.

— Это устройство должно снимать показания о количестве боеприпасов в погребах, — неуверенно произнёс мой подмастерье. — Если так, как вы говорите, то как оно могло давать голос на имплант?

Ферр замер. Потом медленно повернулся к медикатору.

— Этот малый мирянин обучаем. У него когнитивные способности выше среднего.

— Редко, но случается, — проворчал я.

— Не портите образец чрезмерными подзатыльниками. Они могут сбить калибровку.

Пока я искал ответную колкость, вроде той, что если жрец не может себе откалибровать вокабулятор, что уж говорить о тонких шестерёнках под черепом моего стажёра, Тимон взглянул на меня с таким видом, будто нашёл союзника в лице всего Марса и Омниссии в придачу.

— Не радуйся раньше времени, — посоветовал я ему. — Почтенный Ферр Вольт про калибровку, не про жалость или сострадание.

Ферр уже вернулся к панели. Один механодендрит подключил щуп к бронзовой жиле, второй — к старому счётчику боеприпасов. Сервитор подкатил маленький пульт. На пульте было меньше красивых строк, чем у медикатора, зато больше сухих чисел.

— Стол к двери, — приказал Ферр.

Мы с медикатором переглянулись.

— Двигать? — уточнил я.

— Вы уже двигали, санитар-мирянин. Теперь будете двигать правильно. Медленно. Без веры. Без надежды. На три деления от линии.

Я взялся за переднюю рукоять стола. Тимон по привычке шагнул к противоположному краю, но Ферр щёлкнул синтезатором.

— Малый мирянин руками не помогает. Малый мирянин смотрит на ноги старшего мирянина и учится не попадать под стол.

— Слушай почтенного Ферр Вольта, — сказал я.

— Слушаю, — быстро ответил Тимон и отступил к стене.

Мы откатали стол от бронзовой полосы. Колёса прошли по пазам, остановились у отметки, которую Ферр подсветил красным лучом. Горловой имплант молчал. Пульт медикатора шуршал лентой. Пульт Ферра выдал три сухих шелчка и ровную строку:

КАНАЛ ПОДАЧИ. ФОНОВЫЙ УРОВЕНЬ
ОБРАТНЫЙ ИМПУЛЬС: НЕТ

— Теперь к линии, — сказал Ферр.

Мы подали стол вперёд. На первом делении ничего не произошло. На втором зелёная линия на пульте медикатора дрогнула. На третьем горловой имплант щёлкнул, а пульт Ферра издал резкий тон. Не громкий вроде бы, но от него у меня неприятно свело корни зубов.

Ферр поднял два механодендрита.

— Стоп...

Мы остановили стол. Несколько долгих минут ничего не происходило, а потом пульт Ферра выдал новую строку:

КАНАЛ ПОДАЧИ. ОБРАТНЫЙ ИМПУЛЬС
ЧАСТОТА СОВПАДАЕТ С АВАРИЙНЫМ РЕЧЕВЫМ СЛОЕМ ГОРЛОВОГО
ИМПЛАНТА
ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН

Медикатор прочитал строку и впервые за всё время перестал выглядеть так, будто ему нравится происходящее.

— Обратный импульс?

Ферр повернул к нему зелёную линзу.

— Да.

— От линии?

— Не от самой линии. Линия не предназначена для передачи речевого слоя. Сигнал прошёл через контур, подключённый к бывшему каналу подачи. Это хуже. Имплант не должен принимать импульс счётчика боеприпасов как речь. Миряне не должны жить в крепости, где старые боеприпасные линии разговаривают с мёртвыми. Но мы имеем только текущую реальность.

Тимон побледнел и тихо спросил:

— То есть линия говорит с имплантом в мёртвом теле?

Ферр повернулся к нему.

— Нет, малый мирянин. Линия выдаёт импульс. Говорит тот, кто прицепил речевой слой к импульсу. Или тот, кто не должен был быть прицеплен. Технический способ не установлен. Это раздражает Ферр Вольта.

— А кто это... ну... говорит?

— Если бы я знал, малый мирянин, я бы уже произнёс оскорбительную речь, закрыл панель, поставил три печати и ушёл чинить полезные механизмы, а не ломал бы голову. В чём я так провинился перед Омниссией, что она наказывает своего адепта общением с мирянами?

— Значит, вы тоже не знаете? — наивно спросил подмастерье, а я еле успел спрятать усмешку.

Синтезатор Ферра щёлкнул так, будто и техножрец подавил смешок.

— Мирянин малый, ты храбрее, чем кажешься. Да. То есть нет. Я не знаю. Поэтому проверяю счётчик, жилы и переделанный контур.

Медикатор постучал пальцем по краю стола.

— Тело можно передать для обряда?

Ферр медленно повернулся к нему. Даже постоянно фونهاющий вокабулятор техножреца на секунду замолчал. В помещении повисла давящая тишина.

— Мирянин-медикатор спрашивает, можно ли провести к саркофагу тело, имплант в котором улавливает сигнал со старого контура через переделанную линию подачи боеприпасов?

— Я хочу услышать официальное заключение техножреца Адептус Механикус.

— Официальное заключение под запись: нельзя. До выяснения источника обратного импульса, до проверки всей линии подачи и до благословения Механикус тело не двигать. К столу лишних не подпускать. Панель не закрывать.

Тимон тихо выдохнул. И я тоже.

Гибкий тонкий механодендрит Ферра извлёк из футляра на поясе техножреца красную пломбу Механикус, похожую на шайбу, и прижал её к краю вскрытой панели. Пломба щёлкнула, выплюнула тонкую ленту с зубчатым знаком. Потом техножрец поставил вторую метку на край стола возле бирки Иллара Дорна.

— Панель не закрывать, — сказал Ферр. — Стол не двигать. Имплант не отсоединять. Мирянам руками в желоб не лезть. Особенно малым мирянам. Даже если очень хочется и надо. Генеральную уборку не устраивать. Не плевать. Приём пищи в помещении прекратить. Дыхание по возможности сократить.

Тимон сразу убрал руки за спину.

— Я и не собирался.

Ферр наклонил к нему голову. Обе линзы оптических сенсоров сфокусировались на лице подростка.

— Собирался...

Медикатор тихонько рассмеялся.

— Он вас быстро изучил, Тимон.

— Все сегодня меня изучают, — буркнул Тимон.

— Радуйся, — сказал я. — Обычно нас изучают после вскрытия.

Ферр посмотрел на меня.

— Санитар-мирянин умеет возвращать малого мирянина к страху. Полезный педагогический метод. Грубый, но рабочий.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ферр Вольт ещё стоял у вскрытой панели, когда вокс-решётка над дверью крипты снова захрипела.

Сервитор у входа повернул голову к красной пластине допуска. В груди у него щёлкнуло реле. Потом второе. Потом из решётки вышел сухой служебный голос:

— ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ СЛУЖБА ТРЕБУЕТ ДОСТУПА К ТЕЛУ ИЛЛАРА ДОРНА. С СОПРОВОЖДЕНИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЛЕДИ-РЕГЕНТА.

Старший медикатор закрыл журнал пятого поста одним пальцем. Улыбка с его лица не исчезла. Просто стала чуть тоньше.

— А вот и люди с цепями, — сказал он.

Ферр не повернулся. Его механодендрит ещё держал шуп у бронзовой жилы.

— Миряне быстро размножаются в закрытых помещениях. Это доказано опытом.

— Очень точное и своевременное замечание, друг мой, — заметил Ливий и снова повторил приказ. — Тело не двигать.

— Я уже сказал это под запись, мирянин-медикатор.

— Значит, повторю для тех, кто умеет слышать только человеческий голос. Кром, стой у бирки. Тимон, к стене. Рот закрыт, глаза открыты. Если тебя спросят — отвечаешь только на поставленный вопрос максимально кратко и по делу. Если не спросят — молчишь и выглядишь полезным.

Тимон слотнул.

— А если я не знаю, как выглядеть полезным?

— Ты просто сделай вид, что у тебя внутри есть мозг, — подначил подмастерье я. — Обычно помогает.

Ферр щёлкнул вокабулятором.

— Непроверенное утверждение. Но педагогически допустимое.

Дверь открыли не полностью. Створка ушла в сторону ровно настолько, чтобы через проход могли войти трое. Первым вошёл церемониймейстер. Чёрный плащ, серебряная цепь должности, посох с маленькой аквиллой. Лицо гладкое, усталое, но не помятое, а словно бы лощёное.

За ним вошёл человек в тёмной кирасе с регентским знаком на нагрудной пластине. Плащ был подбит алой тканью, на поясе висел короткий силовой клинок и дорогой лазпистолет ручной работы. Рука лежала на поясе рядом с оружием, но не касалась его. С ним вошли двое стражей в чёрных шлемах и остановились у двери.

Тимон едва заметно дёрнул плечом.

— Это кто? — чуть слышно прошептал он.

— Архимилитант леди-регента, — ответил я так же тихо. — Кастор Вейн. Если церемониймейстер говорит «надо», этот делает так, чтобы «надо» случилось максимально быстро и прямолинейно.

— Он может забрать тело?

— Может попробовать.

— А нам что делать?

— Исполнять приказы, подмастерье. Сейчас мы будем молчать и смотреть, как те, кто выше нас по положению, выбирают, кто первым полезет в печь.

Тимон посмотрел на меня с ужасом.

— Это шутка?

— Нет. Шутки обычно смешные.

Церемониймейстер остановился перед столом, посмотрел на тело Иллара Дорна, потом на пломбу Механикус на панели, на Печать Крови возле бирки и на открытый желоб в стене. Он даже не поморщился, но всем видом показал своё отношение к мизансцене, просто задержав взгляд на беспорядке чуть дольше, чем на мёртвце.

— Старший медикатор Октавиан Ливий, — произнёс он ровным и чуточку торжественным голосом. — Тело связиста Иллара Дорна задержано вне обычной обрядовой цепочки. Рассветное свидетельство уже открыто. Мне необходимо вернуть тело в зал подготовки павших.

Ливий взял со стола ленту записи.

— Я ещё не закончил проверку, — спокойно пояснил Ливий. — Пока не закончу, это тело отсюда не вынесут.

— Пятый пост получил достаточно времени для первичного осмотра.

— Я обнаружил аномалию.

Церемониймейстер не изменился в лице, но его раздражение было заметно.

— Вы сообщили об этом.

— И поставил запрет, церемониймейстер.

— Обрядовая служба не может ждать бесконечно, Ливий.

Ферр Вольт повернул к нему жёлтую линзу.

— Механикус сообщает: бесконечность не требуется. Требуется не двигать тело, пока миряне не перестанут угрожать святыне своей торопливостью.

Церемониймейстер смерил техножреца взглядом.

— Почтенный Ферр Вольт, ваше заключение принято к сведению.

— Утверждение мирянина-церемониймейстера ложно, потому искажает факты. Моё заключение принято к исполнению.

Кастор Вейн сделал текучий шаг вперёд. Между ним и столом осталось меньше метра.

— Старший медикатор, почтенный техножрец, я понимаю вашу осторожность. Но вы задерживаете не мешок гнилой репы, а героически павшего бойца, выбранного для свидетельства у саркофага Святой Вероники.

Тимон опять шевельнулся у стены. Сдержался, но плохо. Церемониймейстер заметил.

— Ты хочешь спросить, подмастерье?

Тимон испуганно глянул на меня.

Я едва заметно кивнул. Вопрос всё равно уже висел у него на лице, как грязная тряпка на гвозде.

— А что изменится, если один мёртвый не дойдёт до саркофага? — спросил Тимон и окончательно стусевался. — То есть, если он уже и так мёртвый...

Церемониймейстер повернулся к нему полностью. Посох с аквилой коснулся пола.

— Павший у Горловины не должен исчезать в печи, как безмянное мясо войны.

Тимон слушал, разинув рот.

Красиво говорил. Чисто. Без запинки. Так обычно говорят те, у кого руки не пахнут дезраствором после трёх смен подряд. Но слова были не пустые. В этом и была беда. Пустую ложь легко ненавидеть и опровергать. Полуправда намного опасней.

— Но, если с телом что-то не так? — спросил Тимон.

— Тогда это пишут в акте, — сказал церемониймейстер. — Номер тела, причина задержки, кто остановил передачу, кто принял ответственность. Без этого у меня завтра в списке будет пустая строка.

Он вынул из-за пояса узкую дощечку с зажимом и показал Тимону верхний лист. Тот вытянул шею, но разобрал только печати и несколько имён.

— Видишь?

— Не очень...

— Вот и хорошо. Тебе пока рано. А мне с этим идти к клятвенному кругу.

Он постучал ногтем по строке Иллара Дорна. Будто и не по бумаге, а по крышке гроба.

— Связист Дорн должен быть передан до третьего удара колокола. Если его не будет, спросят, почему. Родня спросит позже. Певчие сервиторы оставят место в литании. И все будут смотреть на пустое место, а не на ваши сомнения.

Тимон перестал мять край халата.

Я посмотрел на лист в зажиме. Вот же гадство. Церемониймейстер не нёс святую чушь. Он принёс бумагу. Очередь. Имя. Время. Печати. Всё то, чем нормального санитара можно прижать к стене без крика и без угроз.

— Тело на столе, — сказал я. — И с телом проблема.

— Тогда дайте мне акт, Кром. Не вашу необоснованную тревогу, а составьте акт.

Кастор Вейн подхватил уже без мягкости:

— А если пустоту увидят в рассветный час, слух уйдёт на редуты быстрее боевого вокс-сигнала. Четырнадцатый северный уже опрокинут. Тринадцатый вгрызся и держится за обломки позиций зубами. Если бойцы услышат, что у саркофага задерживают павших из-за подозрений, они начнут думать не о стене, а о том, что Святая молчит.

Ливий постучал пальцем по ленте записи.

— Если я пропущу к саркофагу тело с неизвестной реакцией, вы получите не слух, а причину для настоящей беды.

— Настоящая беда уже идёт с севера, медикатор.

— Поэтому я не собираюсь добавлять дверь для новой угрозы изнутри крепости.

Вейн впервые посмотрел на него без служебной вежливости.

— Вы готовы объявить тело Иллара Дорна угрозой для саркофага?

— Я готов объявить, что проверка Пятого Клятвенного Поста не закрыта. А ваши требования, архимилитант, не являются медицинским заключением.

— Какая разница?

— Разница в том, что моя формулировка сейчас отделяет нас от паники и ошибок.

Архимилитант повернулся к открытой панели.

— Если тело в крипте может быть опасно... Не обязательно для саркофага, но и вообще, я имею право объявить общий карантин для всей крепости-монастыря. До выяснения.

Ливий выпрямился.

— Если вы объявите карантин без закрытого медицинского заключения, вы сами создадите панику, которую собираетесь остановить.

— Если вы удерживаете тело без окончательного основания, панику создаёте вы.

Тимон шепнул почти без звука:

— Карантин — это как?

Я ответил, не отрывая взгляда от Вейна:

— Так, что весь север узнает, что со Святой Вероникой, чьё имя они поднимают на знамёнах, что-то настолько не так, что закрыли целую крепость. Оркам даже штурмовать не придётся. Люди сами оставят позиции.

— Так нельзя...

— Вот поэтому они и спорят, подмастерье.

Вокс-решётка у двери щёлкнула. Потом ещё раз. Сервитор открыл внешний канал, и в крипту вошёл Серафим Гольц.

Он был в серых доспехах крепостной стражи, сухой, седой, с ожогом на шее и связкой ключей на поясе. На груди у кирасы клятвенная пластина с раскрытым глазом. За ним вошла сестра Эдна Рейк, Печать Меча. Силовая броня без шлема, коротко срезанные волосы, сломанный нос, цепной меч за спиной.

Следом встал у двери техножрец третьего поста в буром капюшоне. Его вокабулятор тихо потрескивал даже в молчании. Капеллан четвертого поста вошёл последним из тех, кого я уже

видел близко: худой, красноглазый, с маленькой лампадой в руке. Пламя в ней было узкое и синеватое.

Ещё двое не вошли внутрь полностью. У порога остановилась женщина с книгой в железном оплётё на цепи у пояса и связкой плоских ключей у бедра. Шестой пост. Печать Ключа. За её плечом, в глубине коридора, стояла молчаливая сестра в бело-красном плаще со знаком чаши на нагруднике. Седьмой пост. Купель.

Семь клятвенных стражей в сборе. Кастор Вейн это тоже понял.

— Вот мы и дошли до главного, — сказал он. — Семь постов действуют совместно, все вооружены и блокируют распоряжение регентской власти в святыне Министорума.

Серафим Гольц положил ладонь на связку ключей.

— Мы не блокируем распоряжение, просто не можем позволить открыть проход без всех печатей.

— Вы не будете отрицать того, что вы все вооружены?

— У любого ключа есть зубья, архимилитант. От этого он не становится мечом.

Вейн повернул голову к Эдне.

— Сестра Рейк, вы с цепным мечом у саркофага объясните мне, что это не вооружённая служба?

Эдна ответила спокойно:

— Это клятва. Мы на севере, архимилитант. Орки близко.

— Ваш обет сейчас очень похож на воинское формирование.

— Только для тех, кто видит меч и забывает смотреть, куда он направлен.

Тимон снова шепнул:

— Он может их распустить?

— Если докажет, что это войско Экклезиархии, — сказал я. — Сейчас все выбирают слова. Дыши тише.

Серафим услышал. Или просто решил ответить на тот же вопрос вслух.

— Семь постов не полк, рота или взвод. Мы даже не караул в прямом смысле. Семь клятвенных защитников не выходят в поле и не получают приказов гарнизона. Мы не служим леди-регенту, потому что мы семь ключей при одном саркофаге.

Вейн сказал:

— По Lex Imperialis и Decree Passive вооружённых людей Министорума, связанных одной структурой, обычно рассматривают как вооружённое формирование.

Капеллан четвёртого поста поднял лампаду.

— Свеча Иллара Дорна не горит, пока третья и пятая печати закрыты.

— Я не спрашивал тебя о свече, капеллан.

— Ты не спрашивал, — в тон ответил тот, — а саркофаг спросит.

Ферр Вольт щёлкнул синтезатором.

— Механикус сообщает: миряне спорят о формулировках. Объект не двигать. Панель не закрывать. Линию не трогать. Нарушитель получит предупреждение. Второй нарушитель получит ожог. Третий нарушитель будет записан, как пример разумного существа с отсутствием инстинкта самосохранения.

Страж шестого поста у порога открыла железную книгу. Листы были тонкие, металлические, на петлях.

— Изменение порядка допуска к саркофагу без открытых печатей недопустимо, — сказала она.

Из коридора, где стояла седьмая сестра, пришёл низкий женский голос:

— К Купели тело Иллара Дорна не войдёт без семи печатей стражей.

Вейн внимательно осмотрел их всех, словно решал, где ставить заряд, чтобы взорвать эту стену.

— Хорошо. Тогда до рассветного часа вы дадите мне основание. Медицинское, механическое, обрядовое. Любое, которое выдержит доклад леди-регенту и не развалится при первом вопросе арбитра. Если основания не будет, я вынесу вопрос о карантине крепости-монастыря и роспуске Круга Обета, как незаконного вооружённого формирования Экклезиархии.

— До рассвета? — с улыбкой уточнил Ливий.

— До рассвета, — сурово подтвердил Вейн. — Или тело вернётся на обряд, или крепость узнает, что семь постов скрывают опасность у саркофага.

Церемониймейстер тихо добавил:

— Иллар Дорн уже внесён в список рассветного обряда. Его имя прозвучит у саркофага.

Если тела не будет, пустое место увидят все.

Эдна Рейк жёстко посмотрела на него.

— Трупов у нас хватает, церемониймейстер. Саркофаг один.

Церемониймейстер не ответил. Только сильнее сжал посох.

Ливий взял журнал пятого поста и вложил туда ленту записи.

— Тело остаётся в крипте до смены поста. Я поднимусь наверх. У меня раненые и медицинский доклад по карантинному риску. Без моего заключения карантин не объявлять.

— Вы не командуете регентской службой, — сказал Вейн.

— Зато я отвечаю за медицинскую службу крепости-монастыря. Странно, что вы об этом не подумали, прежде чем говорить о карантине.

Ферр отсоединил один щуп от панели, второй оставил на бронзовой жиле.

— Ферр Вольт идёт к нижнему счётчику и погребу для боеприпасов. Если источник технический, я найду след и обоснование.

— Что с открытой технической панелью линии подачи? — спросил Серафим.

— Под моей пломбой. Мирянам не трогать. Даже благочестивым мирянам. Особенно им. Серафим Гольц кивнул.

— Всем вернуться на посты. Если мы останемся здесь, саркофаг будет без защиты.

Вейн отступил к двери.

— До рассвета, старший медикатор.

— До рассвета, архимилитант.

Дверь открывалась и закрывалась несколько раз. Церемониймейстер вышел первым. За ним Вейн и его стражи. Потом клятвенные посты разошлись по своим проходам. Эдна задержалась на мгновение, посмотрела на Тимона и коротко сказала:

— Руки не суй, куда не велено.

— Да, сестра, — мой подмастерье почтительно склонил голову перед сестрой битвы.

— И дыши не через раз, юноша, а то бледные мальчики очень шумно падают.

Тимон задышал ровнее.

Ферр забрал инструментального сервитора и тоже ушёл. Ливий взял журнал и остановился у двери.

— Кром...

— Да?

— Пока я занимаюсь ранеными, ты и твой подмастерье останетесь при теле.

— Я санитар, не клятвенный пост, старший медикатор.

— Сегодня ты санитар, который первым поставил отметку и слышал запись. Этого достаточно, чтобы испортить вам двоим ночь.

— Спасибо, утешили...

Он улыбнулся, и в крипте сделалось как будто светлее, напряжение — терпимее.

— Я медикатор, а не капеллан, Матвей. За утешением не ко мне.

Он ушёл. Дверь закрылась. Мы остались с Тимоном вдвоём. В крипте стало просторнее.

— Можешь присесть, — разрешил я. — И расслабиться. Похоже, что мы здесь застряли надолго...

— Матвей...

— Помолчи, пока я переживаю осознание, что мы остались без ужина.

Мы просидели на лавке не меньше четверти часа, каждый погруженный в свои мысли, а потом дверь отворилась снова.

Старший госпитальер Марта Кальн вошла боком, потому что в руках тащила тяжёлый серый ящик. За плечом у неё висели два свёрнутых спальника, под мышкой — плоская коробка сухого пайка и фляга. Она поставила ящик на малый столик так, что металл глухо стукнул о край.

— Ел сегодня? — деловито спросила она.

Тимон обескураженно моргнул, не веря своим глазам.

— Что?

— Ртом. Пищу. За последние шесть часов. Ты ел?

Я посмотрел на коробку пайка и почувствовал, что настроение у меня впервые за несколько часов стало чуть менее поганим.

— Марта, ты сейчас самая святая женщина в этой крепости.

— Вот... Только не богохульствуй, Кром. Святые же забывают сухой паёк обычно, а потом падают в голодный обморок и называют это видением.

Она сняла спальники с плеча и бросила их к стене, подальше от открытой панели.

— Пока один спит, второй бдит. Одновременно не спать. Жрать тоже по очереди. Флягу не прикладывать к губам, пока руки заляпаны дезраствором. Тимон, это я не для Крома говорю, а для тебя, так как прекрасно вижу твою тягу к суициду в раннем возрасте.

Тимон спрятал руки за спину.

— Я ничего не сделал...

— Ты ещё только собирался.

— Почему все это видят?

— Потому что тебе четырнадцать, — спокойно сказала Марта, и на её широком суровом лице появилась тень улыбки. — В четырнадцать лет все сначала делают, а потом мысли уже добираются до головы.

Она открыла серый кейс. Внутри лежали два лазпистолета, зарядные пакеты, кобуры и короткая бумажная ведомость выдачи. Обычные казённые лазпистолеты. Потёртые рукояти, номера на корпусах, царапины у предохранителей.

Тимон перестал дышать.

Марта взяла первый пистолет, проверила зарядный пакет, линзу, предохранитель и протянула мне рукоятью вперёд.

— Санитар Матвей Кром. До смены поста вы санитарный караул Экклезиархии при теле Иллара Дорна. Посторонних не пускать. Тело не двигать. К панели не подпускать. При попытке вынести тело без допуска — тревога. Если баззер боевой тревоги их не убедит — стреляете на поражение. Как поняли меня?

Я взял лазпистолет и защёлкнул ремень на поясе. Вес оказался знакомым. Слишком знакомым.

— Посторонних не пускать. Тело не двигать. К панели не подпускать. Сначала баззер. Если не остановились — стреляем на поражение. Я ничего не пропустил, старший госпитальер?

— Хвала Богу-Императору, что у тебя до сих пор отличная память, Кром. Это вселяет в моё сердце надежду.

Она взяла второй лазпистолет и повернулась к Тимону.

— Подмастерье Тимон. Инструктаж тот же самый. На людей не направлять, пока не соби-
раешься кого-то пристрелить. Палец со спуска убери сразу, как возьмёшь.

Тимон осторожно взял лазпистолет обеими руками.

— Это правда мне?

— Правда тебе.

— Я же простой подмастерье.

— Сегодня ты заступил в караул, Тимон. Приказ боевой, оружие тоже.

— А если придёт служитель?

— Проверяешь его допуск.

— А если он скажет, что от леди-регента?

— Проверяешь его допуск.

— А если один из клятвенных стражей?

— Клятвенный покажет печать. Если не показывает — проверяешь допуск и жмёшь баз-
зер.

— А если он рассердится на меня?

Марта посмотрела на него так, что Тимон сразу выпрямился.

— Тогда он сердится снаружи или с дыркой между бровей.

Я проверил заряд, предохранитель, линзу и ремень кобуры. Руки сделали всё сами. Я это заметил слишком поздно. Тимон заметил тоже. Марта посмотрела мне в глаза.

— Помнишь...

— У санитаров память плохая, пока не зальют в себя десятую кружку масека, — пожал
плечами я. — Особенно плохая на то, что потом снится по ночам.

— На Двенадцатом северном у тебя была отличная память.

Я закатил глаза.

— Не начинай, Марта.

Тимон повернулся так резко, что едва не ткнул стволом лазпистолета мне в солнечное
сплетение.

— Ты что... Матвей! Ты на Двенадцатом был? В смысле... тогда был?

— Предохранитель проверил, — сухо приказал я. — Оружие в кобуру убрал.

Он опустил лазпистолет. Марта закрыла оружейный ящик.

— Что «не начинай», Кром? Парнишке сейчас держать пост рядом с тобой. Самое время
для увлекательных историй. Пусть знает, что ты умеешь не только ругаться и отвешивать под-
затыльники.

— Не рассказывай сказки.

— Так это и не сказка...

— Так тогда и тем более не рассказывай.

Но, конечно, она меня не послушала.

— Полк Астра Милитарум держал осаду на Двенадцатом северном три месяца. Орки
лезли через старые водостоки, шахтные сбросы, ледяные трещины неостановимой зелёной мас-
сой. Прямо по трупам и телам раненых лезли. Да, полк поддерживала тяжёлая артиллерия и
авиация, но когда получилось перебросить подкрепление, от полка осталось два взвода. Кром
таскал патроны, воду и раненых. Стрелял и дрался с орками в штыковых. Иногда просто стоял
и не падал. И иногда одного этого уже хватало.

Тимон смотрел на меня теперь совсем иначе.

Я ненавидел этот взгляд. С таким выражением смотрят те, кто ещё не видел грязи, холода,
обмороженных пальцев в мокрой перчатке, не стоял по грудь в воде в окопе и не помнил того,
как взрослый гвардеец просит пятнадцатилетнего санитаря пристрелить его в перевязочной. В
этом взгляде был герой. Мне захотелось ударить Тимона чем-нибудь тяжёлым.

— Сколько тебе тогда было? — с невинным выражением лица спросила Марта. — Как твоему подмастерью?

— На год больше...

Она посмотрела на Тимона.

— Пятнадцать, значит. На год старше тебя.

Тимон сглотнул.

— А вы откуда знаете? — недоверчиво прищурился парнишка.

— Потому что тоже была там, конечно, — спокойно ответила старший госпитальер. — И была тогда не намного старше Матвея.

— Я... я ничего не знал.

— Потому что Кром не любит рассказывать всякое полезное и правильное, — сказала Марта. — Он предпочитает молчать или ругаться.

— Ругаться полезнее, — заметил я. — Меньше глупых вопросов задают.

— И безопаснее.

— Тоже верно, старший госпитальер.

Марта подошла ближе. Говорила она уже не для Тимона.

— Мне сейчас нужна вся сила твоей веры, Кром. И вся преданность, какая у тебя ещё осталась.

Я вставил лазпистолет в кобуру.

— Тогда дело плохо, Марта. Того и другого осталось не так много.

— А ты их экономно расходуй, Матвей. Так, чтобы до рассвета растянуть.

Она положила на столик коробку сухого пайка, флягу и два химвеса.

— Сухарь размочить водой. Жирную пасту Тимону не давать всю сразу, вырвет. Спальник ближе к стене, но не к панели. Кобуру не снимать. Сигнал тревоги включать здесь.

Она ткнула пальцем в красную кнопку у двери.

— Нажал — и половина крепости услышала. Если после баззера кто-то всё равно идёт к столу, это уже не гость, а нарушитель. Валите всех, Бог-Император признает своих.

Тимон посмотрел на кнопку, потом на тело Иллара.

— А если он... если мёртвый снова заговорит?

Марта не стала смеяться.

— Тогда слушаете. Ничего не трогаете. Оборудование техножреца и старшего медикатора должно всё записать.

Марта посмотрела на меня.

— У тебя есть Кром. Он умеет действовать по обстановке.

— Это должно меня успокоить? — спросил Тимон.

— Нет, — сказала Марта. — Это должно заставить тебя слушаться его приказов.

Она взяла пустой ящик и пошла к двери. Перед выходом остановилась.

— Кром...

— Что?

— До завтра и удачи.

— Это к Тимону. У меня возраст уже не тот, чтобы в удачу верить.

— У тебя как раз тот возраст, когда люди начинают думать, будто им нечего терять.

Я не ответил, а Марта ушла. Дверь закрылась. Тяжёлый засов мягко вошёл в паз.

В крипте остались два санитары и тело Иллара Дорна.

Тимон долго и задумчиво смотрел на дверь. Потом спросил:

— Ты правда был на Двенадцатом?

Я сел на край малого столика и открыл коробку пайка.

— Ты правда хочешь услышать это сейчас?

Он посмотрел на свой лазпистолет, на тело связиста, на открытую панель.

— Нет...

— Вот. Умнеешь прямо на глазах.

Я протянул ему сухарь.

— На вот. Погрызи. Только на пол старайся не крошить. Ферр вернётся, увидит и объявит, что мы оскорбляем Омниссию.

Тимон взял сухарь, но есть не начал.

— Матвей...

— Что?

— Если баззер их не убедит...

— Тогда стреляем.

— На поражение?

— У нас с тобой приказ. Приказы принято не обсуждать, а выполнять. Что не ясно?

— Всё ясно. Просто... Просто я боюсь, что не смогу. А ты сможешь? Это всё же не орки или какие-нибудь ксеносы, а такие, как мы с тобой... Люди.

Я посмотрел на тело Иллара Дорна. Горловой имплант молчал. Пульт шуршал чистой бумажной лентой. В стене под пломбой Механикус ничего не щёлкало.

— Смогу, конечно, — спокойно пожал я плечами. — Люди... Они, Тимон, очень разные. Пусть тебя успокоит то, что нас на караул поставили не от праведников защищать мертвеца. Но вопрос даже не в этом.

— А в чём?

Я не сразу ответил. Сверху через роккрит еле слышно тянулась литания. Слов не разобрать. Только ровный металлический гул, как будто крепость сама напоминала всем живым, что рассветный обряд ждать не любит.

— В том, кто первым решит проверить, насколько сильно мы хотим жить.

Тимон наконец откусил сухарь.

— Вкус, как у молитвенной таблички.

— Не жрал таблички, не сравнивай.

— А ты жрал?

— На Двенадцатом северном люди ели такое, что табличка показалась бы праздничным пирогом.

Он замолчал. Хорошо. Не каждый вопрос надо доводить до ответа.

Я незаметно проверил пенал под рабочим халатом. Пульт у стола мигнул индикатором. Внешнего сигнала не зарегистрировано.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Тимон надкусил сухарь, и крошки посыпались ему в ладонь.

Он посмотрел на еду так, будто она лично предала его и всех караульных крепости-монастыря Святой Вероники. Лазпистолет давно висел в кобуре у него на поясе: проверенный, поставленный на предохранитель и убранный, как велела Марта. Правильно. Оружие не игрушка и не молитвенная табличка, чтобы держать его в руках для храбрости. Но если бы лазпистолет был у него в руке, несчастному сухарю явно бы не поздоровилось.

— Руки над коробкой держи, — напомнил я. — И помни, что достопочтимый Ферр Вольт к врагам Омниссии беспощаден.

Тимон сглотнул крошки и поморщился.

— Сухарь, как скалобетон.

— Скалобетон хотя бы не портится.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Это должно заставить тебя жевать.

Пару минут в крипте было слышно только сухой хруст, слабый ход ленты у пульта и потрескивание лампы над столом.

Я обошёл крипту и проверил дверь. Запор сидел в пазу. Красная кнопка баззера была под рукой. Пульт у стола показывал одну строку:

ВНЕШНИЕ СИГНАЛЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

Очень полезно. Прибор честно сообщил, что ничего не нашёл, пока мы сидели рядом с мертвецом.

— Ты ложись, наверное, первым, — вслух высказал я мысль. — Возьму первое дежурство.

— Матвей... — тихо позвал Тимон.

— Что? — обернулся я, раскатывая спальник.

— Как можно спать рядом с мёртвым?

Голос подмастерья слегка дрогнул, но я это заметил и внутренне усмехнулся.

— Тимон, спать можно рядом с чем угодно, если достаточно устал. Если тебе спать не хочется, можешь взять оба дежурства, я хоть выплюсь впрок.

— Даже рядом с таким... эээ... мертвецом спать можно?

Я посмотрел на Иллара.

— Почему нет? Он тихий. Не храпит, воздух не портит, масеком не воняет на всю казарму, вонючие носки под твою шконку не прячет. Если вдуматься, то в нашей казарме соседи и похуже сыщутся.

Тимон хотел улыбнуться, но не смог. Вышла какая-то жалкая гримаса. Словно у него часть лица парализовало. Мальчишка... И он сейчас отчаянно трусил. Молодой. Не понял ещё, что самая главная опасность не от мёртвых исходит, а строго наоборот.

— А если он снова... ну... ты понимаешь?

— Ни дерьмодемона не понимаю, — не стал помогать я ему.

— Ну... если он снова... заговорит...

Я пожал плечами.

— Тогда ты не спишь и слушаешь внимательно, что тебе расскажет вокабулятор мёртвого связиста.

— А если он заговорит, когда ты уснёшь?

— Тимон, так ты для этого на посту и стоишь. Чтобы разбудить меня, если случится что-то нештатное. Вот и разбудишь.

— А если я тоже засну?

— Тогда Марта была неправа, когда выдала нам с тобой по лазпистолету. Нам тогда нельзя доверять охранять даже мёртвого.

Он подтянул спальник ближе к стене, но не лёг. Уперся спиной в роккритовую стену и смотрел на тело. Я не стал объяснять, что Иллар Дорн уже никуда не пойдёт. Головой это понимаешь сразу. Телом — только после второй бессонной ночи в компании покойников.

— Матвей...

— М-мм?

— Ты правда ходил в штыковую атаку против орков? — спросил Тимон.

Я закрыл коробку сухпайка.

— Я правда сказал тебе грызть сухарь и не особо крошить.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты сегодня получишь.

— На Двенадцатом северном...

— На Двенадцатом северном люди быстро учились не задавать вопросов, когда им давали боеприпасы, воду или приказ. Тебе сейчас дали флягу, сухарь и лазпистолет. Делай выводы.

Он опустил взгляд, некоторое время разглядывал пол, а потом снова начал жевать. Организм молодой, растущий. Покойник или не покойник рядом, а есть всё равно хочется. А возможно, и дошло, что не всякую старую рану надо ковырять. Хотя нет. Это вряд ли.

Пульт у стола дёрнул ленту. Звук короткий. Не ровный ход, к которому я успел привыкнуть и уже перестать воспринимать, а резкий скребок, будто игла самописца зацепилась за бумагу.

Я поднял руку. Тимон перестал жевать.

— Не двигайся...

Он медленно положил сухарь на край коробки. К поясу не полез. Уже хорошо.

Пульт мигнул. Красная лампа не загорелась. Зелёная тоже. Жёлтый индикатор продолжил гореть ровным светом. Самописец протянул бумагу на палец, остановился и снова царапнул.

ВНЕШНИЕ СИГНАЛЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

ПИТАНИЕ ИМПЛАНТА ОТКЛЮЧЕНО

ГОЛОС НЕ ЗАПИСАН. ОБНАРУЖЕН ДЕФЕКТ ЛЕНТЫ

— Это он? — прошептал Тимон.

Я отрицательно покачал головой.

— Иллар мёртв. Поверь моему богатому опыту. Если бы мертвецы возвращались, я бы это знал. Столько их через меня прошло... Обязательно бы попался один-два бодрых.

Я подошёл к столу. Ничего не изменилось. Только мембрана чуть дрогнула, но звука не последовало. Я посмотрел на вскрытую линию подачи боеприпасов.

Пломба Механикус не сдвинулась. В стене ничего не щёлкнуло. Вот тебе и старая линия, почтенный Ферр Вольт.

Самописец снова дёрнул бумагу. Чернила легли короткой чёрной полосой, а через мёртвое горло вышел звук.

Сначала это был даже не голос, а что-то напоминавшее мокрый скрежет. Будто кто-то протолкнул воздух через мембрану, хотя в лёгких уже не должно было быть воздуха. Потом звук сорвался, захрипел и стал словами.

— Вы... должны... остановить... до рассвета...

Тимон побледнел и потянулся к кобуре.

— Стоять! — жёстко приказал я.

И Тимон застыл с рукой в воздухе.

— Но Марта сказала...

— Марта сказала слушать, если мёртвый снова заговорит.

— Он не...

— Вот именно. Заткнись, прижми зад и слушай.

Мембрана под пластиной дрогнула снова. Я насторожился. Звук на этот раз вышел тише, но чище. Это не был мужской или женский голос в обычном смысле. Впечатление складывалось, что мёртвое горло пыталось имитировать чужой голос, и от этого у меня по спине пробежал холодок.

— Никаких... мертвецов... не надо. Я... больше... не могу.

Тимон начал тихо шептать молитву. Я хотел рявкнуть, чтобы он заткнулся. Потом слышал слова и не стал. Он не бормотал первое, что пришло в голову от страха. Он читал малую молитву Святой Веронике, ту самую, которую подмастерьев заставляли повторять при переноске павших к саркофагу.

— Святая Вероника Алой Купели, сестра меча и крови, заступница Горловины, прими верных, отринь скверну, сохрани нас у порога...

Мембрана под шейной пластиной не сорвалась в визг. Из мёртвого горла не пошла хула. Не пахло гарью, серой или той сладкой дрянью, о которой капелланы говорят перед тем, как велят жечь всё помещение вместе со свидетелями.

Имплант продолжил хрипеть, как и хрипел.

— Кто ты? — спросил я, поразившись тому, как сел мой голос.

Спрашивать такое у трупа было неправильно. У мёртвых вообще спрашивать что-либо неправильно. Покойников сортируют по имени, по бирке, номеру тела, времени смерти и тому, кто их сопровождал. Но Иллар Дорн не отвечал, потому что он был мёртвым телом на столе. Через его горло кто-то пытался добраться до нас. И тогда я задал другой вопрос:

— Кто говорит? Назовись во имя Бога-Императора!

— Я... Вероника...

Тимон сбился на половине молитвы и посмотрел на меня такими глазами, как будто не ходил в нужник по-большому две недели, а сейчас принял слабительный порошок.

— Вероника? — переспросил я, не зная, что делать дальше.

И не мудрено, что на этом вопросы иссякли, потому что план мой закончился ровно на предпоследнем вопросе. Общаться с потусторонними сущностями немного не моя компетенция.

— Да... Я Вероника из Кровавой Купели...

Мембрана задрожала сильнее. Самописец ударил по бумаге, но вместо слов оставил жирную кривую линию.

— ...сестра битвы... Вероника... из Кровавой... Купели...

Слова из вокабулятора выходили словно через силу. И это неудивительно. Ведь аккумулятора или батареи, чтобы снабдить имплант движущей силой, не имелось. Устройство питалось от тепла живого организма, но вот какая незадача — труп, пока мы его таскали туда-сюда, уже начал коченеть.

Тимон прошептал:

— Святая...

— Молись дальше, — сказал я.

— Что?

— Молись. Та же самая молитва. Сбился — начинай сначала. Закончил — тоже.

Он сглотнул и снова начал, уже чётче:

— Святая Вероника Алой Купели, сестра меча и крови, заступница Горловины, прими верных, отринь скверну, сохрани нас у порога...

Я посмотрел на пульт. Ленту вводило в сторону. Слов не было. Датчики показывали ноль.

**ВНЕШНИЕ СИГНАЛЫ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ
ПИТАНИЕ ИМПЛАНТА ОТКЛЮЧЕНО
ДВИЖЕНИЕ ВОЗДУХА НЕ НАЙДЕНО**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.